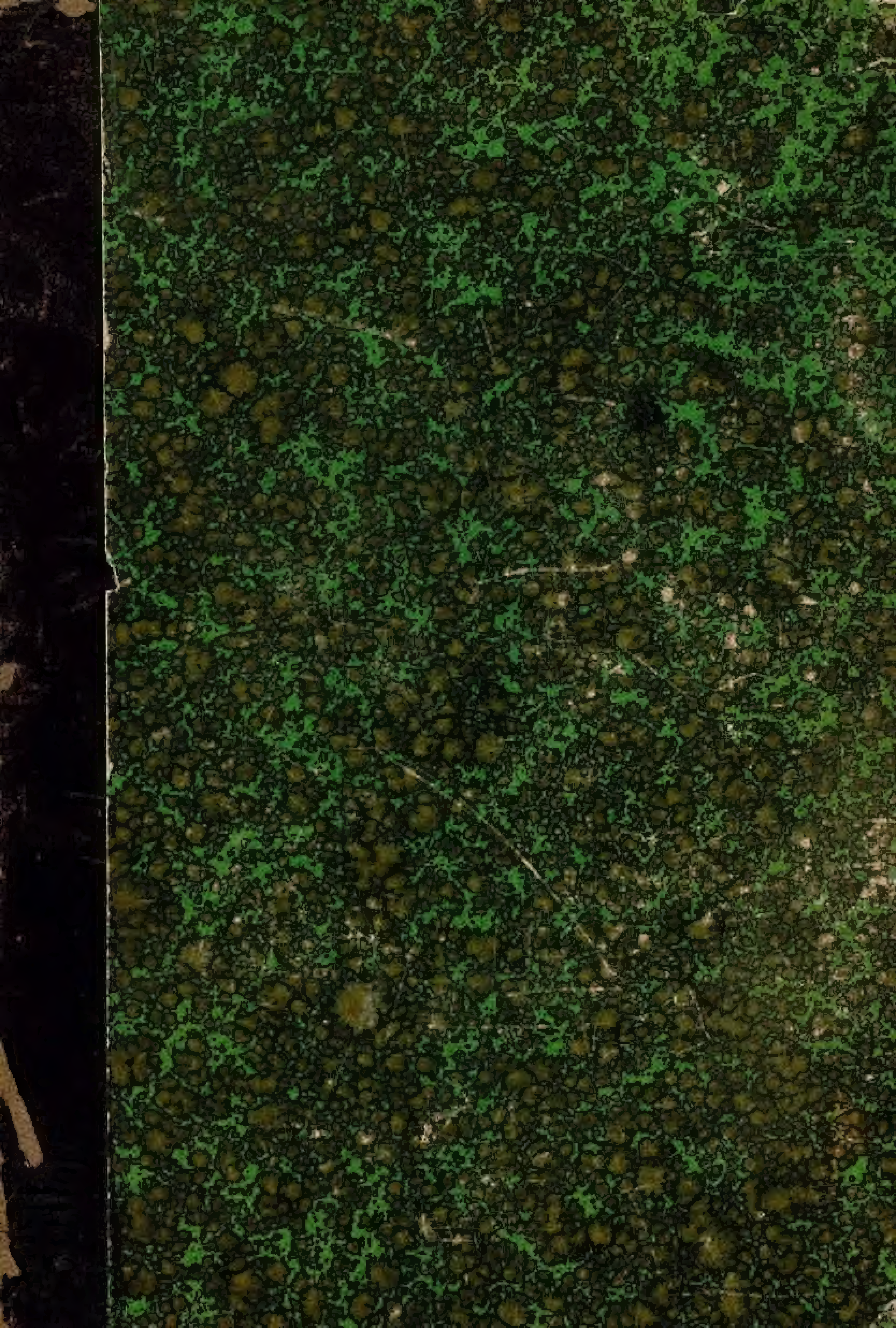
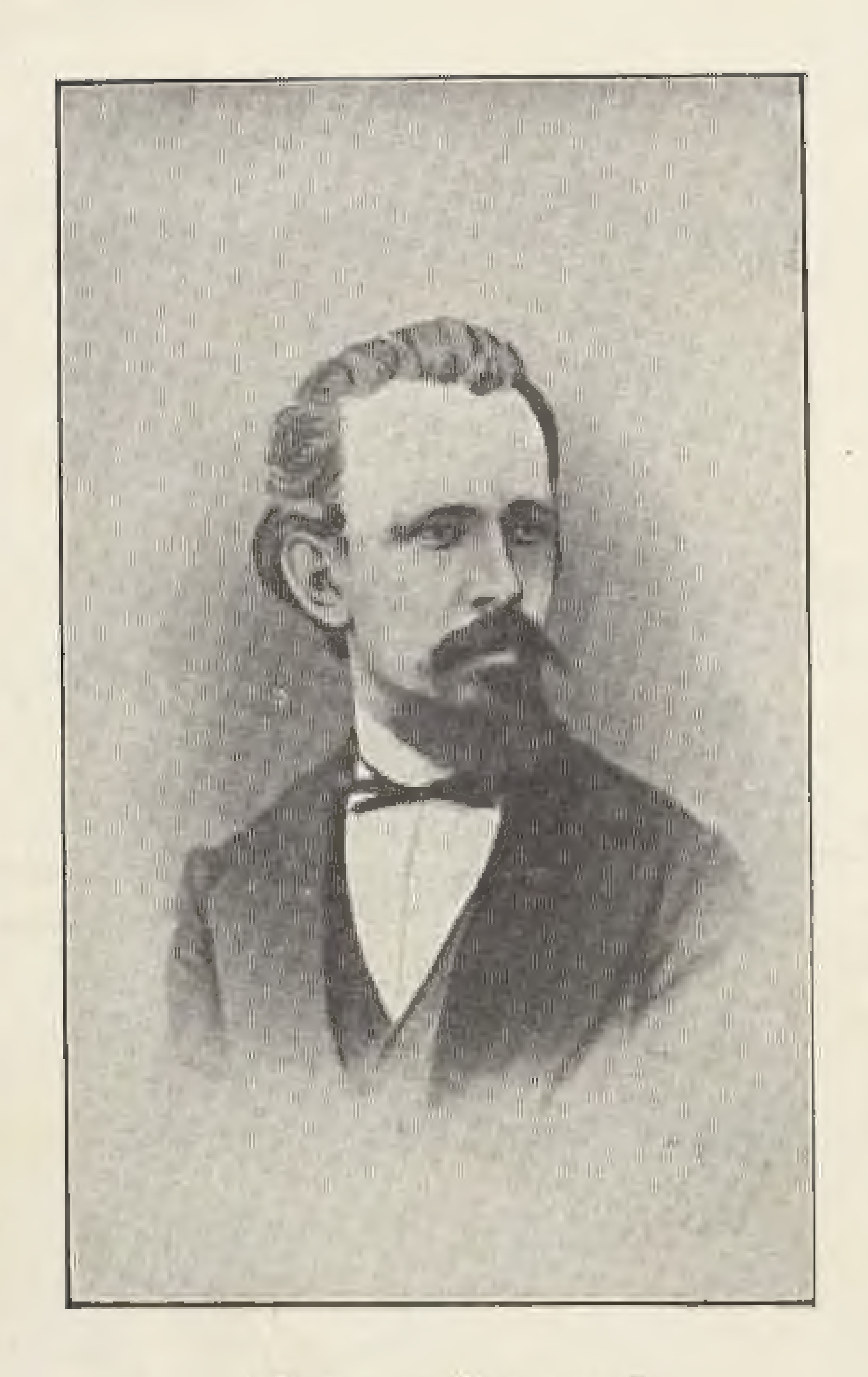

Ипполитъ Мышкинъ.

Ипполитъ Мышкинъ

и

АРХАНГЕЛЬСКІЙ КРУЖОКЪ.

I

Онъ былъ сынъ солдата и крестьянки. Да, онъ былъ сынъ „николаевскаго солдата“, т. е. человѣка, терявшаго свое званіе и всѣ свои права, поступая въ военную службу нижнимъ чиномъ. И не только онъ, поступившій на царскую службу, терялъ всѣ гражданскія и даже человѣческія права свои, но и сыновья его, родившіеся втеченіи его службы, становились собственностью казны и не имѣли иного будущаго, какъ вѣчную лямку жестокой участи „николаевскаго солдата“.

Такихъ казенныхъ дѣтей отбирали у родителей съ семилѣтняго возраста и опредѣляли ихъ въ „кантонисты“, т. е. отдавали на воспитаніе въ казенныя заведенія, въ кантонистскія школы. Числомъ этихъ школъ было не такъ много, но за то размѣры ихъ были громадны; иныя изъ нихъ вмѣщали въ себѣ нѣсколько тысячъ дѣтей, отъ семи до восемнадцатилѣтняго возраста. Воспитателями кантонистовъ были тѣ же николаевскіе солдаты: избитые, изголодавшіеся, искалѣченные душой и тѣломъ, жившіе только страхомъ передъ палкой и затаенной злобой къ своимъ врагамъ — начальству. — Вымученные, а потомъ выброшенные, за негодностью, изъ строя солдаты — поступали „дядьками“ въ школы кантонистовъ, гдѣ, въ свою очередь, могли калѣчить тѣло и развращать душу дѣтей, имѣвшихъ несчастье родиться „казенными“. Въ одну изъ такихъ школъ былъ по-

мѣщенъ и сынъ солдата Мышкина — Ипполитъ Мышкинъ. Несмотря на хроническій голодъ и жестокій режимъ школы, мальчикъ выжилъ и кончилъ ученье благополучно, благодаря замѣчательнымъ способностямъ своимъ, служившимъ украшеніемъ показныхъ экзаменовъ и всей лицевой стороны школьной жизни. Какъ способный къ наукамъ, Ипполитъ былъ отданъ начальствомъ въ Московское межевое училище, откуда выходили „полевые землемѣры", особенно много поработавшіе надъ размежеваніемъ земель, при сокращеніи черезполосицы въ малороссійскихъ губерніяхъ, въ семидесятыхъ годахъ. — И это заведеніе юноша окончилъ успѣшно. Онъ былъ не только уменъ и талантливъ, онъ былъ и строенъ, и красивъ, и силенъ, а потому начальство и на этотъ разъ воспользовалось его положеніемъ казеннаго человѣка, и одинъ изъ штабныхъ генераловъ пожелалъ взять его къ себѣ въ ординарцы. Генералъ этотъ жилъ въ Петербургѣ и Мышкинъ состоялъ у него въ качествѣ секретаря.

Это было въ началѣ царствованія Александра II, когда мода на реформы, нововведенія и упраздненія старой внѣшности — была въ самомъ разгарѣ. Одни генералы готовили новые образцы мундировъ и кокардъ, другіе измышляли упрощенную походную аммуницію, а генералъ—патронъ Мышкина изобрѣталъ стройную систему стенографической азбуки, которая, какъ новинка, занимала тогда начальство всѣхъ общественныхъ и казенныхъ учрежденій, готовившихся къ открытой дѣятельности и широкой гласности. Генералъ изобрѣталъ, а его ординарецъ изучалъ стенографію, чтобы овладѣть ею въ совершенствѣ. Это нужно было въ виду того, что генералъ, желая довести свое изобрѣтеніе до свѣдѣнія Александра II, долженъ былъ демонстрировать ему свой методъ во всемъ блескѣ, во всей быстротѣ. Мышкинъ зналъ о предстоящемъ ему экзаменѣ передъ лицемъ „самого государя императора" и млѣлъ отъ восторга при одной мысли увидѣть царя, этого кумира военныхъ, да еще въ то время, когда кумиръ не боялся своихъ вѣрноподданныхъ и могъ спокойно улыбаться на право и на лѣво, и браво здороваться со своими „молодцами". — Ни умнѣе, ни великодушнѣе, ни мудрѣе русскаго царя молодой орди-

нарецъ ничего не могъ вообразить себѣ. Нѣчто недосягаемое, непостигаемое, божественное — думалось ему увидѣть въ лицѣ Александра II. Наконецъ, насталъ день, когда генералу было разрѣшено явиться во дворецъ съ докладомъ о сдѣланномъ имъ усовершенствованіи. Мышкинъ сопровождалъ своего генерала и всю дорогу сердце его стучало и кровь приливала къ головѣ отъ предстоящаго счастья, отъ близости лицезрѣнія „его“ самого.

Вошли во дворецъ, поднялись по мраморнымъ лѣстницамъ, множество разъ докладывались и препровождались отъ одного царедворца къ другому и, наконецъ, вошли въ кабинетъ царя. Онъ стоялъ среди комнаты, одѣтый въ мундиръ, готовый къ параду. Генералъ приготовился объяснять точно и подробно преимущества своего способа стенографированія, но, видя разсѣянность и весьма поверхностное вниманіе къ своей лекціи неудосужившагося монарха, — заторопился, скомкалъ свою рѣчь и поспѣшилъ перейти къ практической части доклада, къ демонстрированію своей системы на опытѣ.

„Мышкинъ, садись и записывай; я буду говорить...“

Государь стоялъ, генералъ тоже. Ординарецъ заколебался.

„Садись, тебѣ говорятъ!“

Мышкинъ еще разъ взглянулъ на царя, который на этотъ разъ какъ то окончательно показался ему самымъ обыкновеннымъ генераломъ среди другихъ такихъ же генераловъ... И молодому ординарцу сразу вернулась его находчивость и увѣренность въ себѣ.

„Такъ вотъ онъ какой... Да, при немъ и сидѣть можно...“ мелькнуло у него въ головѣ... „какой же онъ царь...?!“

Онъ взялъ карандашъ и ловкой, умѣлой рукой сталъ быстро записывать быструю рѣчь генерала. Иногда генералъ прерывалъ диктовку, чтобы давать поясненія государю, и Мышкинъ спѣшилъ воспользоваться этими секундами, чтобы взглянуть въ лицо царя. Иногда Александръ самъ останавливалъ Мышкина и требовалъ объясненій. Характеръ задаваемыхъ имъ вопросовъ также не располагалъ къ тому, чтобы Мышкину вернулось прежнее благоговѣйное отношеніе... Мышкинъ отвѣчалъ свободно, и опять удивлялся тому,

что какъ же это, царь съ такимъ трудомъ понимаетъ то, что такъ легко далось ему, что такъ хорошо знаетъ онъ, Мышкинъ, простой солдатъ.

Экспертиза кончилась, царь приказалъ выдать 25 рублей отличившемуся ординарцу, сказалъ лестныя слова генералу и отпустилъ обоихъ.

Всю обратную дорогу Мышкинъ шелъ растерянный, разочарованный, грустный. И царь и его обстановка обманули всѣ его ожиданія, все, что онъ столько лѣтъ представлялъ себѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. — Вмѣсто мудраго, величаваго сердцевѣдца, знавшаго все лучше другихъ, способнаго всему научить, все пояснить, способнаго проникнуть въ самую глубь души человѣка — онъ, „русскій царь", стоялъ и говорилъ такъ же, какъ и всѣ важные генералы и такъ же, какъ они, не понялъ того, что ему, Мышкину, вѣрному солдату своего царя, тысячу разъ дороже одинъ ласковый взглядъ царя тѣхъ 25-ти рублей, которые онъ велѣлъ ему выдать.

— „И что же это я буду дѣлать съ этими 25 рублями?... Тратить ихъ, какъ будто жалко... царскія деньги... а беречь на память, такъ вѣдь такихъ четвертныхъ билетовъ много... и всѣ они казенные, царскіе..."

Нѣсколько дней Мышкинъ не могъ доискаться чего то потеряннаго, дорогого, чего то такого, что никакъ не хотѣло или не могло вернуться къ нему въ головѣ, въ груди оставалось пустое мѣсто, раньше полное самой горячей любовью къ тому необычайному существу, которое все знаетъ, все можетъ и хочетъ всего хорошаго для всего своего народа. — Померкъ образъ царя; на его мѣстѣ стоялъ здоровый генералъ, спѣшившій на парадъ, нарядный, занятый собой, разсѣянный, нѣсколько любопытный къ замысловатымъ новинкамъ и совершенно равнодушный къ тому, что творится въ душѣ его вѣрныхъ слугъ, возлагающихъ на него всѣ свои упованія. — Въ Петербургѣ много генераловъ; и еще одинъ лишній не сдѣлаетъ никого счастливѣе.

Потеря равновѣсія въ обычномъ настроеніи и нарушеніе традиціоннаго міросозерцанія — помогли прирожденнымъ спо-

собностямъ и богатымъ задаткамъ Мышкина освободиться изъ подъ опеки рутиннаго взгляда на жизнь. Онъ пересталъ вѣрить во всевѣденіе и всемогущество царя, какъ единаго властителя судебъ своихъ подданныхъ; пересталъ ожидать съ этой стороны тѣхъ или иныхъ благъ, могущихъ выдвинуть его впередъ и дать мѣсто въ той средѣ, гдѣ каждый, хоть до извѣстной степени, гарантированъ отъ оскорбленій и обидъ, и живетъ полной человѣческой жизнью; онъ рѣшилъ возлагать отнынѣ надежды только на себя, на свои силы; имъ овладѣла жажда завоевать себѣ своей энергіей достойное мѣсто въ жизни, растолкавъ локтями то, что стоитъ на пути. И вотъ, Мышкинъ выдвинулъ впередъ свою личную энергію, удвоилъ свою работоспособность и занялся усердно пополненіемъ своего образованія. Почему бы ему, молодому, способному, красивому, гордому, ни въ чемъ не уступавшему тѣмъ чиновнымъ господамъ, которые помыкаютъ молодымъ солдатомъ только потому, что онъ не въ такомъ мундирѣ, какъ они,—почему бы ему не попытаться проложить себѣ дорогу къ тому счастью, которое ждетъ всякаго энергичнаго, смѣлаго? Міръ раздоленъ, широкъ и богатъ всѣмъ, чего проситъ душа, умѣй только взять то, на чемъ остановитъ свой выборъ сердце! Но что же выберетъ онъ, безродный кантонистъ, выжившій всѣ побои, весь голодъ, всѣ муки всегда преслѣдуемаго ребенка, только благодаря своей сильной природѣ; онъ, грамотный опять таки только благодаря своимъ собственнымъ дарованіямъ, такъ какъ учителями его были безграмотные „дядьки“, не способные къ строевой службѣ. Онъ выберетъ все то, что могутъ взять здоровая голова и здоровыя руки. Онъ будетъ работать и своимъ трудомъ, а не чужими милостями, проложитъ себѣ открытую дорогу. Его наивно-миѳическая вѣра въ царя замѣнилась вполнѣ реальной увѣренностью въ своихъ силахъ, вѣрой въ индивидуальную мощь собственной личности, и онъ сталъ работать надъ собой съ удвоенной настойчивостью и энергіей. Книги, чтеніе, наука и прежде были для него предметами высокими, наиболѣе серьезной цѣлью жизни; продолжать образованіе свое было безнадежной, несбыточной, но любимой мечтой молодого человѣка.

Нечего было и думать готовиться къ высшему учебному заведенію, не имѣя никакихъ средствъ и зная притомъ, что мать, „вдова солдатка", ждетъ не дождется, когда сынъ сможетъ зарабатывать и высылать ей хоть нѣсколько рублей въ годъ, на бѣдную жизнь въ деревнѣ. Оставалась профессія, но она уже была въ его рукахъ.

Стенографія была необходимымъ спутникомъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, когда всѣ учрежденія: и земскія собранія, и засѣданія судовъ, и комиссіи по всевозможнымъ вопросамъ и вѣдомствамъ мнили себя „гласными", „открытыми", подлежащими „общественному контролю". Ни прокуроры, ни жандармы еще не были тогда необходимыми членами всѣхъ этихъ собраній, но на каждомъ изъ нихъ долженъ былъ находиться „правительственный" стенографъ, который, рядомъ съ остальными стенографами (отъ самихъ учрежденій, отъ газетъ и т. п.) сидѣлъ за своимъ столикомъ и отмѣчалъ каждое слово, каждое восклицаніе, даже тонъ голоса говорившихъ ораторовъ, а также отмѣчалъ и то впечатлѣніе, какое ихъ рѣчи производили на присутствующую публику. О, эти „правительственные" стенографы! сколько безсонныхъ ночей и трепетныхъ дней доставили они россійскимъ либераламъ, которымъ такъ хотѣлось поговорить красно, на европейскій манеръ, сгладить черезъ чуръ выпуклые наросты грубой русской жизни и хотя бы сверху покрыть ее лакомъ либеральныхъ и гуманитарныхъ идей. Понятно, что въ докладахъ и преніяхъ представителей земства, въ рѣчахъ адвокатовъ и даже тогдашнихъ судей, въ дебатахъ комиссій по дѣламъ печати, по народному образованію и т. п. — проскальзывало не одно такое слово, которое хотя и прощалось правительствомъ, какъ сказанное „въ своемъ кругу", но не могло бы разсчитывать на такую терпимость, если бы дѣло шло объ обращеніи къ широкой публикѣ, въ журналѣ или газетѣ. Неосторожное обращеніе съ салоннымъ либерализмомъ однако отмѣчалось на счетъ репутаціи благонадежности играющаго съ нимъ, и многіе предводители дворянства и предсѣдатели земскихъ управъ, имѣвшіе виды на губернаторскія или придворныя должности, сами не желали, чтобы ихъ краснорѣ-

чіе цѣликомъ попадало на столбцы Правительственнаго Вѣстника, и переживали не мало тревожныхъ дней, прежде чѣмъ имъ удавалось скрасть или инымъ путемъ уничтожить пущенное въ пылу увлеченія собственнымъ краснорѣчіемъ красивое и рѣзкое слово.

Окончивъ службу у своего генерала, Мышкинъ получилъ должность правительственнаго стенографа и велъ отчеты земскихъ собраній въ Москвѣ, гдѣ онъ и поселился, а также въ Нижнемъ Новгородѣ. Какъ работникъ, привыкшій отчетливо и безошибочно выполнять свое дѣло, онъ и здѣсь отличался точностью, не позволялъ себѣ пропускать ни одного слова, и тѣмъ болѣе — слова, имѣвшаго особенное значеніе въ рѣчи оратора. А между тѣмъ, въ то время какъ записи стенографовъ, работавшихъ отъ земства, всегда могли быть подвергнуты цензурѣ предсѣдателя, а черезъ него и цензурѣ тѣхъ ораторовъ, которые пожелали бы измѣнить кое что въ произнесенныхъ рѣчахъ, передъ тѣмъ какъ отчетъ будетъ отпечатанъ, — записи правительственныхъ стенографовъ не подлежали подобному контролю, и ораторы принуждены были лично обращаться къ самимъ казеннымъ стенографамъ съ просьбой вычеркнуть то или другое слово, а иногда и цѣлую фразу!

Мышкинъ не сразу шелъ на уступки; а зачастую и вовсе не уступалъ. Онъ любилъ видѣть сильныхъ міра сего въ затруднительномъ положеніи, онъ слишкомъ долго испытывалъ на себѣ и требованіе чинопочитанія, и поверхностное отношеніе вышестоящихъ къ „нижнимъ чинамъ“ и всегдашнюю готовность власть имущихъ, (вошедшую въ безсознательную привычку, въ нѣчто неизбѣжное) —эксплуатировать слабыхъ, лишенныхъ права возражать. Гордый по натурѣ, свободолюбивый, скорѣе индивидуалистъ чѣмъ гуртовой рабочій, Мышкинъ всегда высоко ставилъ достоинство человѣка и для себя отстаивалъ его при всѣхъ условіяхъ, не справляясь съ цѣною, какой приходилось за это платиться.

При той степени умственнаго развитія, съ какой Мышкинъ вступилъ на путь свободныхъ профессій, задачей его поведенія было: съ одной стороны—отстоять свою независимость, съ другой — показать барамъ, что не всегда и не все отъ

нихъ зависятъ. Для него составляло своеобразное наслажденіе доказать имъ на дѣлѣ, что бываютъ случаи, когда и бывшій кантонистъ, благодаря только своимъ способностямъ, своему умѣнью работать — становится силой и можетъ держать въ своихъ рукахъ и сонъ, и аппетитъ, и даже карьеру титулованныхъ особъ. Бывали случаи, когда князья и графы, послѣ неуспѣшной переписки съ Мышкинымъ касательно измѣненій тѣхъ или иныхъ выраженій, сами заявлялись къ нему съ личной просьбой. Его тѣшило то, что увѣшенные звѣздами высокопревосходительства взбирались къ нему на четвертый этажъ, по далеко не изящнымъ лѣстницамъ, а ихъ кареты, украшенныя коронованными гербами, красовались у воротъ его дома, въ одномъ изъ переулковъ тогда еще болѣе грязнаго Арбата. Поломавшись надъ высокопревосходительнымъ, доказавъ ему его полную безпомощность, посовѣтовавъ на слѣдующій разъ не произносить такихъ словъ, которыхъ онъ самъ боится, какъ огня — Ипполитъ, наконецъ, давалъ обѣщаніе ихъ выбросить, и, ничуть не расшаркиваясь, отпускалъ посѣтителя къ каретѣ, гдѣ его ждалъ ливрейный лакей, не посвященный въ политическія тайны своего барина. Такія же курьезныя сцены повторялись и въ Нижнемъ, льстя самолюбію молодого человѣка и побуждая его идти дальше, по лѣстницѣ житейской борьбы и успѣха. Онъ зарабатывалъ много, жилъ въ довольствѣ, заботился о своей матери и думалъ о томъ, какъ бы еще шире поставить свою дѣятельность, какъ бы отвоевать себѣ болѣе видное положеніе. Но его здоровый и способный умъ не могъ удовлетвориться однимъ внѣшнимъ успѣхомъ и мелочнымъ содержаніемъ узко-личной жизни; порывы его сильной натуры, предоставленной самой себѣ, регулировались тѣмъ, что онъ вынесъ изъ книгъ, побуждаемый жаждой знанія и глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ: остальное довершило знакомство съ передовыми, лучшими элементами тогдашняго общества, знакомство, перешедшее затѣмъ въ близкія, даже интимныя отношенія съ нѣкоторыми его представителями. Впрочемъ, въ полной мѣрѣ вліяніе этихъ знакомствъ сказалось лишь позднѣе.

Что предпринять, что устроить на заработанныя деньги?

Вопросъ огромной важности для человѣка, созидающаго свою судьбу собственными руками. Выборъ былъ большой и жизнь въ Москвѣ давала возможность разсмотрѣть всѣ способы приложенія труда и капитала. Мышкинъ остановился на пріобрѣтеніи собственной типографіи, какъ на мастерской, отвѣчающей лучше другихъ, идейнымъ запросамъ тяготѣвшаго уже къ либеральнымъ идеямъ хозяина; можно печатать хорошія книги (ихъ такъ мало, онѣ такъ нужны!) и можно хорошо содержать рабочихъ, давать заработокъ женщинамъ... Задумано — сдѣлано. Мышкинъ завелъ свою типографію и, на ряду съ заказами, печаталъ тѣ книги, которыя считалъ лучшими; въ то же время, онъ продолжалъ быть правительственнымъ стенографомъ.

II

Въ началѣ все тѣхъ же шестидесятыхъ годовъ, на крайнемъ сѣверѣ Россіи, отбывалъ свою ссылку извѣстный писатель Берви-Флеровскій.

Въ то время Архангельскъ былъ совсѣмъ глухой городъ, и долго пришлось интеллигентному человѣку жить, уйдя въ самого себя, не дѣлясь ни съ кѣмъ ни своими знаніями, ни своими мыслями. Но время шло, и жизнь постепенно сближала пришельца съ окружавшими его людьми и привлекла сердца сѣверянъ, простыхъ, незлобливыхъ и дѣтски пытливыхъ, къ человѣку, который умѣлъ ласково и разумно отвѣтить на ихъ нехитрые, но разносторонніе вопросы. Сѣверный обыватель полюбилъ мягкаго, внимательнаго къ нуждамъ другихъ ученаго и сталъ довѣрить ему не только себя, но и дѣтей своихъ. Въ Архангельскѣ жило нѣсколько поляковъ, сосланныхъ давно, по политическимъ дѣламъ, успѣвшихъ здѣсь жениться и обзавестись дѣтьми и скуднымъ заработкомъ при различныхъ казенныхъ учрежденіяхъ. Дѣти росли и хотѣли учиться, а бѣдность мѣшала... и тащила назадъ къ кухнѣ, къ штопанью стараго бѣлья, къ люлькѣ новорожденнаго брата или сестры. Бѣдность не пускала идти дальше, выхватывала изъ третьяго, четвертаго, пятаго класса гимназіи и обращала юношу — въ канцеляриста, дѣ-

вушку — въ горничную, кухарку, или выталкивала замужъ за перваго встрѣчнаго. Среди такихъ, обойденныхъ судьбою дѣвушекъ двѣ сестры Н—чъ особенно много страдали отъ невозможности докончить свое образованіе хотя бы въ гимназіи. Уложивъ меньшихъ дѣтей, закончивъ домашнія работы, онѣ садились передъ сальнымъ огаркомъ и сами продолжали учиться, справляясь у подругъ о заданныхъ урокахъ. Флеровскій былъ знакомъ съ семьей дѣвушекъ и такая жажда знанія обѣихъ сестеръ не могла не привлечь его вниманія; онъ съ готовностью взялся руководить ихъ занятіями. Дѣвочки были уже подростками; прошлое ихъ отца и появленіе ссыльныхъ въ ихъ городѣ возбуждали много вопросовъ въ ихъ свѣжихъ, юныхъ головкахъ и скоро, кромѣ обычныхъ уроковъ, по разнымъ предметамъ, онѣ стали бесѣдовать со своимъ учителемъ о тѣхъ сторонахъ жизни, которыя казались имъ важными и вмѣстѣ съ тѣмъ не понятными.

Къ двумъ Н—чъ присоединилась Фруза Сунинская, потомъ Лиза Ермолаева... были и другія. Но эти четыре дѣвушки тѣснѣе другихъ сгруппировались возлѣ того, кто могъ имъ подробно и хорошо говорить о такомъ ученіи, въ которомъ онѣ надѣялись найти выходъ и своему горю, и горю всѣхъ, лишенныхъ свободы и счастья... Между тѣмъ суровая дѣйствительность надвигалась на нихъ вплотную. Росли семьи — росла и нужда. Надо было думать о заработкѣ. Хотѣлось такого труда, который ближе стоялъ бы къ умственной области, имѣлъ бы съ ней хоть нѣкоторое соприкосновеніе, который выходилъ бы изъ однообразныхъ, узкихъ рамокъ домашняго и кухоннаго обихода. Искали сообща съ учителемъ и нашли такую отрасль труда, которая до того времени не видала въ своей средѣ женщинъ въ старозавѣтномъ Архангельскѣ. Дѣвушекъ приняли наборщицами въ губернскую типографію; сначала съ опасеніемъ передъ необычайностью факта, а потомъ съ большой охотой, благодаря тому, что съ ихъ появленіемъ въ типографіи и работа пошла успѣшнѣе, и обычные скандалы пьющихъ наборщиковъ сократились до ничтожныхъ, сравнительно, размѣровъ.

Всѣ четыре подруги работали усердно и продолжали посѣщать своего учителя, подъ руководствомъ котораго, вмѣстѣ съ другой молодежью, учились, слушали и разбирались въ великой книгѣ жизни.

Скоро прибылъ къ нимъ новый другъ, Порфирій Ивановичъ Войнаральскій, молодой помѣщикъ Пензенской губ., гдѣ онъ служилъ мировымъ судьей и откуда былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губ. — Этотъ страстный, общественный, подвижной, какъ сама жизнь, человѣкъ внесъ много энергіи въ дружескія бесѣды кружка и много рѣшимости въ его отношеніе къ своему ближайшему будущему. Начали строить планы дальнѣйшей дѣятельности каждаго изъ товарищей; стали взвѣшивать свои силы; соображать средства, пути; намѣчать цѣли — какъ ближайшія, такъ и болѣе отдаленныя. Молодыя дѣвушки, чистыя сердцемъ, полныя желанія нести свой трудъ на пользу того народа, съ исторіей и положеніемъ котораго онѣ близко сталкивались благодаря богатому запасу знаній ихъ дорогого учителя — горѣли нетерпѣніемъ выбраться изъ глухого Архангельска и вмѣшаться въ ту жизнь, гдѣ кипѣла работа, гдѣ люди черпали новыя и новыя знанія, чтобы дѣлиться ими съ лишенными свѣта, чтобы поднять ихъ до себя, чтобы самимъ подняться еще выше, выше и выше, освѣщая себѣ новые, болѣе широкіе горизонты могучимъ свѣточемъ науки... Туда, гдѣ не единицы, а сотни и тысячи головъ заняты выработкой новыхъ началъ жизни и сами первые порываютъ со старыми вѣрованіями и, не колеблясь, не страшась, идутъ на встрѣчу всѣмъ трудностямъ, всѣмъ препятствіямъ. Туда, въ столицы... въ Москву, въ Петербургъ! Тамъ столько передовыхъ людей, готовыхъ и научить, и пріютить и наставить. Тамъ курсы... женскій трудъ... мастерскія... и столько молодыхъ головъ, мечтающихъ о тѣхъ же задачахъ служенія народу. Ни сплетенъ тамъ, ни дрязгъ домашнихъ, ни мелочныхъ обидъ, ни тупыхъ предразсудковъ... уйти, уйти отъ этой тины болотной... Никому не кланяться, никому не одолжаться... самимъ взять все у жизни, и для себя, и для другихъ. Хорошо! Раздольно! Бурно! Всѣ силы заработаютъ, душа огласитъ землю радо-

стной пѣснью и всѣ богатства земного шара падутъ къ ногамъ человѣчества. Но какъ уйти? Кто пуститъ? На что ѣхать?

Опять поднялись семейныя сцены; опять тревоги безсонныя ночи и тоска, тоска, при одной мысли остаться здѣсь, у льдовъ безлюднаго океана за тысячи верстъ отъ милой, родной, бодрой толпы еще невѣдомыхъ друзей, которая „оттуда" манитъ ихъ къ себѣ, радостно кличетъ зоветъ, къ настоящей жизни, къ бою, къ настоящему, истинно человѣческому счастью. Потянулись длинные зимніе вечера, холодные дни безъ солнца, и такое же холодное чувство безсилія, одиночества. Впереди стояли безконечные рабочіе дни, заработанные гроши, едва хватавшіе на дневное пропитаніе семьи, а дальше, за ними — безпомощная старость, никому ненужная и всѣхъ удручающая. — Такъ жить не стоитъ, и такъ онѣ не станутъ жить. Опять собирались дѣвушки у своихъ друзей, опять обсуждали, соображали, рѣшали. — Къ осени 1873 года, въ нихъ окончательно созрѣла готовность порвать со всѣмъ, что ихъ тянуло внизъ, чтобы спасти себя, спасти Божій даръ, — свою живую душу отъ поруганія, отъ смерти, и дать ей волю жить по правдѣ, по совѣсти, во славу человѣка, на благо грядущихъ поколѣній. Пусть ихъ постигнутъ личныя неудачи, пусть трудности встанутъ на каждомъ шагу ихъ пути — онѣ не боятся ни того, ни другого, потому что ихъ путь не личный, по немъ пойдутъ всѣ прозрѣвшіе. онъ одинъ ведетъ къ выходу изъ стараго царства мрака, къ царству свѣта и радости. И, какъ сѣверное сіяніе надъ Бѣлымъ моремъ свѣтилось, искрилось, переливалось изъ тѣни въ тѣнь, изъ краски въ краску и заливало волшебнымъ сіяніемъ и берегъ, и море, и равнину, покрытую бѣлымъ снѣгомъ, такъ дѣвичьи мечты складывали въ умѣ своемъ одну картину чудеснѣе другой, переживали одно настроеніе прекраснѣе другого. Сомнѣнія, тревоги, угрызенія чуткой совѣсти — все ушло, передъ обаятельнымъ будущимъ, уже такимъ близкимъ, возможнымъ. Привычка думать и чувствовать въ одномъ направленіи овладѣла умами и сердцами подругъ; онѣ уже не могли представить себя жительницами Архангельска, грустно коро-

тающими свою жизнь изъ одного грустнаго дня въ другой, еще болѣе грустный.

На помощь имъ пришелъ ихъ вѣрный другъ и товарищъ Порфирій Войнаральскій, всегда готовый тамъ, гдѣ требовались его услуги и средства. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помочь кружку молодыхъ подругъ покончить счеты съ домашними гнѣздами, чтобы наладить поѣздку и заранѣе намѣтить мѣсто, куда бы приткнуться на первый разъ. Четырехъ дѣвушекъ сопровождала тетка Лизы Ермолаевой — Зарудиева, безконечно добрая, смѣло правдивая и обожавшая свою красавицу племянницу пожилая особа, пожелавшая посмотрѣть иной жизни и попытаться пріобщиться къ ней. Въ 1873 году, зимою, всѣ онѣ были уже въ Москвѣ и всѣ вмѣстѣ усиленно искали себѣ заработка, желая всенепремѣнно жить „независимо“, никому не обязываясь. Здѣсь онѣ надѣялись найти заработокъ, сопряженный съ какой либо изъ интеллигентныхъ профессій, но долго ждать было невозможно и пришлось обратиться къ старому ремеслу своему, — къ типографской работѣ. Проходя по улицамъ Москвы, въ поискахъ за работой, недалеко отъ Арбатскихъ воротъ, дѣвушки прочли вывѣску „Типографія Мышкина“ и зашли спросить о работѣ. Либеральный хозяинъ мастерской, охотно покровительствовавшій „женскому вопросу“, согласился принять къ себѣ въ наборщицы всѣхъ пятерыхъ пріѣзжихъ. Живой, умный молодой хозяинъ и прекрасныя дѣвушки, горѣвшія желаніемъ всѣхъ пріобщить къ своимъ взглядамъ и желаніямъ — быстро перезнакомились и на столько сблизились, что архангельскія пропагандистки, не долго думая, предложили Мышкину печатать въ своей типографіи тѣ „хорошія книги“, которыя правительство запрещало и изгоняло, какъ нѣчто преступное, заслуживающее безпощадныхъ каръ и преслѣдованій. Поборникъ просвѣщенія и книгъ, Мышкинъ съ радостью ухватился за этотъ планъ и устроилъ своихъ новыхъ наборщицъ въ отдѣльной комнатѣ, совершенно особо отъ прочихъ наборщиковъ типографіи.

Понятно, что дѣвушки не замедлили сообщить Войнаральскому, уже освободившемуся отъ ссылки, о своей неожиданной и небывалой находкѣ, и что Войнаральскій не

замедлилъ явиться и лично познакомиться съ положеніемъ дѣла. Мышкинъ, какъ и всегда, оказался на высотѣ своего новаго положенія своей энергіей, своимъ безстрашіемъ; онъ съ восторгомъ слушалъ Войнаральскаго и предоставилъ въ полное его распоряженіе и себя, и всю свою типографію для нуждъ революціоннаго дѣла. Печатать хорошія книги, въ которыхъ говорится правда, въ которыхъ раскрывается вся изнанка лицемѣрной заботливости правительства о народѣ, разоренномъ, голодномъ, униженномъ; изобличать всякую неправду, пригвождать ея служителей къ позорному столбу; открывать глаза народу, указывать ему вѣрные пути къ освобожденію, рисовать желанное и достижимое будущее — вотъ широкая, производительная работа, достойная лучшихъ силъ гражданина тогдашней Россіи. Все можно отдать: и трудъ, и состояніе, и привязанности, и самую жизнь за то сознаніе, что твой сильный врагъ, безпощадный и всемогущій — трепещетъ передъ тобой, безсильно ненавидитъ, кусаетъ отъ злости свои преступныя руки — и все таки не знаетъ, кто ты, гдѣ ты... не можетъ тебя задушить!... А ты!... Ты сѣешь вокругъ себя новыя силы, ты готовишь новыхъ борцовъ... все болѣе и болѣе грозныхъ!... Печатать, печатать, печатать!

Мышкинъ былъ на седьмомъ небѣ отъ того, что жизнь его сразу наполнилась такимъ богатымъ идейнымъ содержаніемъ, пріобрѣла такой глубокій, захватывающій смыслъ: это былъ для него неожиданный подарокъ судьбы; онъ готовъ былъ удвоить, удесятерить свою энергію, лишь бы поспѣть удовлетворять запросамъ на литературу, стекавшимся въ Москву, къ Войнаральскому, отъ всѣхъ кружковъ, сорганизовавшихся къ тому времени для пропаганды въ народѣ. И когда ему представили еще нѣсколько человѣкъ, годныхъ въ наборщики, онъ и ихъ помѣстилъ въ конспиративное отдѣленіе типографіи, и работа закипѣла въ умѣлыхъ и усердныхъ рукахъ. Громадныя кипы готовыхъ листовъ высылались ящиками по желѣзной дорогѣ въ Саратовъ, гдѣ Войнаральскимъ была устроена большая сапожная мастерская, принимавшая ящики подъ видомъ товара, шедшаго изъ Москвы. Въ Саратовъ же переѣхали обѣ сестры И—чъ,

чтобы заняться брошюрованьемъ печатныхъ листовъ и веденіемъ хозяйства мастерской.

Готовыя брошюры и народные листки распространялись и по Волгѣ, и по другимъ мѣстамъ, гдѣ были свои пропагандисты и распространители. Все это было лѣтомъ 1874 г. Мышкинъ продолжалъ исполнять обязанность правительственнаго стенографа и часто уѣзжалъ по дѣламъ изъ Москвы, но всегда торопился обратно, домой, гдѣ ждала его любимая, дорогая, всецѣло захватившая его работа и забота.

Увы, не долго радовались сердца молодыхъ революціонеровъ, глядя на быстрые успѣхи своего дѣла: не долго продолжалось время интенсивной работы, гладкой, налаженной, безостановочной. Всего нѣсколько мѣсяцевъ послужили быстрые станки типографскіе народному дѣлу. Но и эта кратковременная работа помогла положить н а ч а л о соціально-революціонной пропагандѣ на широкомъ и еще безмолвномъ тогда пространствѣ великой русской земли.

Провалъ сапожной мастерской въ Саратовѣ (въ іюлѣ) обнаружилъ сношенія мастерской съ типографіей и московскіе жандармы получили указаніе сдѣлать обыскъ у Мышкина. Но плохо освѣдомленные о саратовскомъ дѣлѣ и не въ чемъ не подозрѣвавшіе Мышкина, они не имѣли яснаго представленія о томъ, что именно дѣлается въ его типографіи и явились къ нему съ обыскомъ, не принявъ особыхъ мѣръ предосторожности: они не знали, чего именно они должны были искать и, войдя въ помѣщеніе типографіи, стали требовать Мышкина. Его не было дома, но онъ могъ явиться каждую минуту, а потому товарищи поспѣшили выставить условный знакъ, чтобы предупредить его объ опасности. Присутствіе молодыхъ, повидимому неопытныхъ дѣвушекъ (между ними была и 16-лѣтняя Иванова), скорѣе успокаивало подозрительность жандармовъ, и это дало возможность устроить предупрежденіе незамѣтнымъ образомъ. Дѣйствительно, Мышкинъ подходилъ къ своему дому, и только предупредившій его знакъ помѣшалъ ему войти къ себѣ. Онъ незамѣтно прошелъ дальше, покинувъ навсегда свое дорогое дѣтище, свою милую типографію, ставшую ему еще милѣе и еще дороже съ тѣхъ поръ, какъ она воплощала въ себѣ,

всѣ тѣ взгляды и мысли, которые были его взглядами, его мыслями.

Мышкинъ исчезъ безслѣдно, а ждавшіе его жандармы, наткнувшись на цѣлыя залежи нелегальной литературы, долго не могли прійти въ себя отъ неожиданности и грандіозности событія, и только поздно ночью развезли всѣхъ, работавшихъ въ „отдѣльной“ комнатѣ, по грязнымъ, вонючимъ и сырымъ московскимъ частямъ.

III

Удалой добрый молодецъ Ипполитъ Мышкинъ остался одинъ, безъ товарищей, безъ связей, безъ средствъ. По всей Россіи обыски и аресты губили людей и революціонныя предпріятія. Не было знакомаго революціонера, котораго бы не забрали, за которымъ бы не слѣдили. Одновременное, спонтанейное почти движеніе молодежи въ сторону реальной революціонной дѣятельности, вызвало такъ много сношеній, свиданій, поѣздокъ, переписокъ и пересылокъ, что, разъ удостовѣрившись въ существованіи повсемѣстнаго движенія, (оно выразилось появленіемъ и литературы, и пропагандистовъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ Россіи) — сыску и жандармамъ было не трудно вскрыть нити организацій и принять мѣры къ быстрому прекращенію общеній между революціонерами, разбросанными по всей странѣ. У Мышкина не было большихъ связей; онъ имѣлъ дѣло, главнымъ образомъ, съ Войнаральскимъ и кружкомъ архангельскихъ дѣвицъ, завладѣвшимъ, съ первыхъ же дней знакомства, его довѣріемъ и симпатіями. Этихъ связей ему было достаточно, чтобы успѣшно работать въ той отрасли, которую онъ взялъ на себя. Отъ природы талантливый, много переживший и много наблюдавшій, Мышкинъ быстро понялъ и головой и сердцемъ, что лишь въ борьбѣ рабочій народъ можетъ обрѣсти право свое, и товарищамъ не пришлось ни убѣждать его идти на рискъ и жертвы, ни толковать ему о необходимости борьбы.

И теперь, оставшись одинъ, онъ не терялъ времени въ безплодныхъ сомнѣніяхъ, а сталъ думать о томъ, какъ лучше упо-

требить тѣ силы и тѣ средства, которыми онъ могъ располагать еще. Увѣренный въ себѣ, привыкшій самъ рѣшать за себя и уже испробовавшій на себѣ силу высшихъ стимуловъ и побужденій, Мышкинъ не только не могъ вернуться къ прежнему до-революціонному образу жизни, но и не могъ остановиться на выжиданіи удобнаго момента, созданнаго не его усиліями.

Онъ только что на себѣ испыталъ силу научнаго синтеза, магическое дѣйствіе выводовъ, стоящихъ на прочномъ фундаментѣ изученія дѣйствительности. Онъ сознавалъ, что не встрѣться онъ съ людьми, имѣвшими возможность не только указать, но и доказать ему необходимость и цѣлесообразность того, а не другого направленія мыслей и способа дѣйствій — то, быть можетъ, много лѣтъ и силъ пришлось бы ему затратить на ослабляющее и притупляющее блужданіе по тому торному пути, которымъ „громадная, къ соблазнамъ жадная идетъ толпа“ и гдѣ кипитъ лишь „вѣчная, безчеловѣчная вражда — война за блага бренныя“... Его самого спасла встрѣча съ крупной умственной силой, выведшая его на настоящій путь. И мысль Мышкина, естественно, направилась на поиски такой еще болѣе крупной умственной силы, которая могла бы оказывать подобное же воздѣйствіе уже не на единицы, не на десятки, а на сотни и тысячи, на весь тотъ запасъ молодыхъ силъ, которыми тогда уже была такъ богата Россія. И, само собою понятно, что ища и оглядываясь кругомъ, онъ не могъ не остановиться на фигурѣ Николая Гавриловича Чернышевскаго, огромнымъ силуэтомъ выдѣлявшейся на фонѣ подцензурной Россіи и отчетливо встававшей тогда въ представленіи русской молодежи, воспитавшейся на геніальныхъ произведеніяхъ этого мощнаго ума, этой великой души. Мышкинъ отдался весь идеѣ увидѣть Чернышевскаго въ средѣ русскихъ революціонеровъ и поставилъ себѣ ближайшей цѣлью вырвать его изъ когтей Александра II.

Задумавъ освободить Чернышевскаго, Мышкинъ составилъ планъ поѣздки въ Сибирь и раздобылъ себѣ средства, бумаги и все нужное для выполненія своего плана. Онъ смѣло готовился пуститься въ далекій и долгій путь, совершае

мый въ то время на почтовыхъ или вольнонаемныхъ лошадяхъ, «дружкахъ». Но прежде чѣмъ все было придумано и все готово — прошло около года. За это время Ипполитъ успѣлъ освоиться съ положеніемъ революціонера въ Россіи (кажется, успѣлъ побывать и заграницей) и, благодаря своему знакомству со всевозможными слоями населенія и разнообразными сферами жизни, не смущался своимъ нелегальнымъ положеніемъ. Онъ быстро приспособился и къ новымъ встрѣчамъ, и къ новымъ обстоятельствамъ. Нелегальное положеніе не только не стѣсняло его свободолюбивую, дѣятельную натуру, а скорѣе освобождало его отъ тѣхъ условностей, которымъ долженъ подчиняться человѣкъ извѣстный, съ неизмѣннымъ паспортомъ, выданнымъ такому то лицу, такимъ-то полицейскимъ управленіемъ. Мышкинъ жилъ по такому паспорту, по какому хотѣлъ въ данное время, не стѣсняя ни своихъ переѣздовъ, ни своихъ дѣйствіи. Его молодая, неизрасходованная энергія рвалась наружу и не могла отказать себѣ въ удовольствіи проявляться каждый разъ, когда была къ тому возможность.

Направившись въ Иркутскъ, Мышкинъ имѣлъ впереди цѣлыя недѣли однообразнаго путешествія, а потому не мудрено, что вниманіе его не могло быть поглощено все время одною мыслью о цѣли его поѣздки. Кромѣ того, его горячая отзывчивость быстро реагировала на каждое явленіе, вызывавшее чувство справедливаго недовольства или негодованія. Разговаривая дорогой съ ямщиками, на станціяхъ съ хозяевами и обывателями, Мышкинъ наслушался о множествѣ несправедливостей, творимыхъ всесильной полиціей и всемогущими „волостными“ (покорными данниками полиціи) — надъ отдѣльными лицами и надъ цѣлыми селами и деревнями. незнавшими иного способа самозащиты, какъ взятки и выкупы. Не разъ Мышкину приходилось быть свидѣтелемъ громкихъ, открытыхъ ссоръ и тяжбъ между крестьянами и властями, въ которыхъ явно выступалъ нахальный и безсовѣстный способъ вымогательствъ, практикуемый полиціей въ стачкѣ съ волостными писарями, (этимъ особенно сильнымъ зломъ сибирскаго крестьянства); въ такихъ случаяхъ онъ не могъ не вмѣшаться и не стать на сторону обиженныхъ. А

такъ какъ его представительная наружность, увѣренная манера и такой же увѣренный тонъ голоса выдѣляли его изъ толпы и заставляли видѣть въ немъ не простого смертнаго, а человѣка, имѣющаго власть распоряжаться и приказывать — то онъ сразу замѣтилъ, какое сильное впечатлѣніе производили его слова и вся его фигура на сибирскихъ провинціаловъ, привыкшихъ видѣть въ каждомъ баринѣ — чиновника, ѣдущаго „изъ Петербурга“ производить ревизію. Въ одномъ селѣ, выслушавъ дѣло о томъ, какъ волостной старшина совмѣстно съ полиціей и кабатчикомъ грабятъ крестьянъ, и какъ они, какъ разъ въ то время, расхитили нѣсколько тысячъ крестьянскихъ денегъ, — Мышкинъ отправился въ волостное правленіе, вызвалъ туда старшину и кабатчика, вызвалъ свидѣтелей со стороны крестьянъ, произвелъ подробное слѣдствіе всего дѣла, и тутъ же составилъ протоколъ всѣхъ показаній. Эффектъ получился поразительный: грабители сейчасъ же вернули расхищенную сумму и молили о пощадѣ; крестьяне просили дальнѣйшаго заступничества... Такихъ вмѣшательствъ было нѣсколько по дорогѣ въ Иркутскъ, и всѣ они были такъ естественны и такъ удачны, что Ипполитъ совсѣмъ просто чувствовалъ себя въ роли человѣка, власть имущаго. Онъ горячился и требовалъ, настаивалъ и грозилъ совершенно искренно, негодуя на безконечныя и грязныя злоупотребленія, сыпавшіяся со стороны казенныхъ представителей, какъ изъ рога изобилія.

Съ пріѣздомъ въ Иркутскъ кончились экскурсіи Мышкина въ область правосудія. Дорога отъ Иркутска на сѣверъ значительно пустыннѣе магистральнаго „сибирскаго тракта“, и каждое новое лицо и всякое выходящее изъ обыденной жизни событіе — можетъ вызвать столько вниманія и толковъ, что, волей-неволей, человѣкъ, обратившій на себя это вниманіе, дѣлается героемъ громкихъ легендъ, быстро переходящихъ изъ устъ въ уста, и облетающихъ страну съ неимовѣрною, чисто стихійною скоростью.

IV

Совершенно благополучно и безъ остановокъ Мышкинъ добрался до Вилюйска, гдѣ тогда жилъ Чернышевскій, одинъ одинешенекъ, подъ надзоромъ двухъ жандармовъ, въ тюрьмѣ, сколоченной спеціально для двухъ прежнихъ ссыльныхъ, поляковъ Огрызко и Дворжачека. Узнику предоставлялась относительная свобода, онъ могъ выходить днемъ за ограду тюрьмы и бродить по окрестнымъ болотамъ; могъ читать и писать сколько хотѣлъ, но все это сопровождалось бдительнымъ наблюденіемъ жандармовъ и ни одинъ клочекъ бумажки не приходилъ къ нему и не уходилъ отъ него, безъ вѣдома стерожившихъ собакъ въ жандармскихъ мундирахъ. Царь русскій боялся Чернышевскаго.

Облекшись въ офицерскій жандармскій мундиръ, захвативъ съ собою бумаги, которыми офицеръ такой-то уполномачивался принять Чернышевскаго и перевести его въ глубочайшей тайнѣ изъ Вилюйска въ Петербургъ, — Мышкинъ пошелъ къ исправнику.

Разговоръ съ исправникомъ окончился неудачей. Потому ли, что, какъ говорилъ самъ Мышкинъ, жандармскіе аксельбанты очутились у него не на томъ плечѣ, на которомъ ихъ полагается носить, а можетъ быть и потому еще, что царское правительство издавна умѣетъ выбирать „опытныхъ“ сторожей къ „серьезнымъ“ государственнымъ врагамъ своимъ, не легко выпускающихъ изъ рукъ своихъ цѣнную добычу — только кончилось тѣмъ, что исправникъ усумнился въ дѣйствительности порученія и заявилъ, что безъ прямого распоряженія Иркутскаго генералъ-губернатора не можетъ отпустить Чернышевскаго.

Мышкинъ протестовалъ, настаивалъ на своихъ петербургскихъ полномочіяхъ, указывалъ на трудность и продолжительность пути, но исправникъ не сдавался и утверждалъ, что безъ бумаги генералъ-губернатора ничего сдѣлать не можетъ; онъ даже любезно предложилъ двухъ казаковъ въ тѣлохранители молодому офицеру. Мышкинъ отказывался отъ такой чести, но, въ концѣ концовъ, il fallait faire bonne mine au mauvais jeu, надо было сдѣлать видъ, что казаки

не только не помѣшають, но, пожалуй, и пригодятся въ пустынной, бездорожной, суровой тундрѣ-тайгѣ, тянущейся вдоль холоднаго Вилюя, до его впаденія въ многоводную Лену.

И теперь Сибирь очень пустынна, не смотря на желѣзную дорогу, на множество переселившагося и высланнаго туда народа за послѣдніе два десятка лѣтъ; а тридцать лѣтъ назадъ по ней двигались и бродили только золотоискатели да бѣглые, старавшіеся ютиться къ жилымъ мѣстамъ, чтобы не замерзнуть въ холодныхъ болотахъ, не умереть съ голоду въ безжизненной тайгѣ. Невеселый и озабоченный, распростился Ипполитъ съ вилюйскимъ правителемъ и верхомъ же, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, навязанныхъ ему исправникомъ, очевидно съ цѣлью прослѣдить его дальнѣйшій образъ дѣйствій, — направился обратно въ Иркутскъ. Къ тремъ верховымъ присоединился какой-то купецъ, которому надо было добраться до Лены, и вотъ четверо путешественниковъ потянулись гуськомъ по кочковатымъ и вязкимъ тропамъ однообразныхъ и безцвѣтныхъ низинъ Вилюйскаго округа. Какія были даны секретныя инструкціи казакамъ, объ этомъ никто не зналъ, а потому трудно судить, о чемъ они думали, трясясь на своихъ лохматыхъ лошадкахъ; ихъ скулистыя, монгольскія лица тупо смотрѣли передъ собой, не давая, по азіатскому обычаю, проскользнуть на поверхность ни чувству, ни мысли, ни заботѣ. Купецъ ѣхалъ молча, заранѣе расчитавъ и время отъ станка до станка и количество пищи, которую онъ съѣстъ и выпьетъ на каждой остановкѣ.

Привычные къ передвиженію на далекихъ пространствахъ, во всякое время года, дня и ночи, сибиряки не волнуются въ дорогѣ, заранѣе мирятся съ возможностью всяческихъ неудобствъ и случайностей. И Мышкинъ думалъ не о трудностяхъ дороги... Предпріятіе не удалось, надежда не сбылась... То дорогое, то необходимое, о чемъ онъ мечталъ съ такою радостью и гордостью — осталось позади его; великій умъ безвозвратно потерянъ для человѣчества, обреченный на тѣ же муки, на безцѣльную растрату драгоцѣнныхъ силъ, на медленное догораніе божественнаго

огня, столь нужнаго, столь благотворнаго, столь недостающаго Россіи... всей Россіи! Ея сокровище, плодъ ея великихъ и мучительныхъ усилій, дитя ея народа, вскормленное горемъ, трудомъ, нищетой и потоками слезъ русскаго пахаря, это сокровище ея остается тамъ, навсегда заброшеннымъ въ безлюдныя тундры, обреченное на медленную гибель... прикованное морозомъ къ сибирскимъ льдамъ, занесенное глубокими пластами снѣговъ... И онъ былъ такъ близко возлѣ него, онъ дышалъ однимъ съ нимъ воздухомъ вилюйскихъ болотъ, вмѣстѣ съ нимъ онъ слышалъ одни и тѣ же звуки лаявшихъ собакъ, всегда рвущихся на прохожихъ; онъ видѣлъ вонъ тотъ лѣсокъ, куда великій человѣкъ, одинъ со своими великими думами, уходилъ бродить часами, рѣшая въ безмолвіи проблемы судебъ человѣка, въ то же время удаляясь и удаляясь и отъ самой жизни, и отъ ея требованій. Великій духъ великой страны, оторванный отъ родной своей сферы, брошенный въ безвоздушное пространство, не могъ творить безконечно, не черпая новыхъ силъ среди подобныхъ себѣ и, невольно, мысли его вращались лишь въ томъ ограниченномъ кругѣ впечатлѣній, какой былъ вынесенъ имъ, еще молодымъ, оттуда, изъ далекой, далекой родины.

Горе, обида, досада и неотвязная боль щемила грудь Мышкина. Онъ оставлялъ за собою того, ради кого онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ, ради кого онъ готовъ былъ годы терпѣть, годы трудиться надъ выполненіемъ своего плана. Вѣдь этотъ планъ могъ вырвать изъ плѣна драгоцѣнную силу и вернуть Россіи ея борца, ея свѣтило; могъ отдать молодежи ея руководителя — не только ученаго, не только мудраго, но и любящаго, ласковаго, вѣрящаго въ силы дѣтей своей страны, готоваго стать рядомъ съ ними, готоваго влить въ нихъ и свою силу, и вѣру, и знаніе.

Лошадь ступала мѣрнымъ, осторожнымъ шагомъ, спокойно глядя впередъ и никуда не торопясь, а сердце всадника то билось, то замирало, горло давили подступавшія рыданія и только тяжелые вздохи облегчали страдавшую грудь.

Ѣхали гдѣ шагомъ, гдѣ мелкой рысью; однообразная мѣстность незамѣтно переходила отъ голаго болота къ за-

рослямъ, отъ плоскаго горизонта къ слабо изогнутой линіи низкихъ холмовъ, снова переходя въ теряющуюся во мглѣ низину. Также однообразно, также тускло и холодно тянулось щемящее чувство тоски и обиды, слѣдомъ провожавшее Мышкина. Но вотъ кончился день, насталъ другой, и путники стали высчитывать время своего пріѣзда къ берегу Лены. Мышкинъ встрепенулся. Самообладаніе сразу вернулось къ нему, безпощадная дѣйствительность бросилась въ глаза, и его горячій умъ, его быстрая находчивость стали работать въ практическую сторону. Что дѣлать теперь? Какъ освободить себя? И страна, и люди — все ему незнакомо: все чуждо на столько, что невозможно сообразить, съ какой стороны удобнѣе приступить къ дѣлу своего освобожденія. Онъ началъ съ того, что предложилъ казакамъ вернуться назадъ, говоря, что и одинъ можетъ хорошо доѣхать, что и дорога, и мѣста ему достаточно извѣстны; но казаки ссылались на то, что имъ велѣно проводить его до Иркутска, и что они не смѣютъ ослушаться своего начальства; надо было искать другого способа освобожденія, но сколько Ипполитъ не ломалъ своей головы, онъ не выбралъ другого исхода, какъ прибѣгнуть къ оружію: убить или разогнать свою стражу и одному пробираться, на удачу, къ югозападу по топкимъ болотамъ. Придя къ окончательному рѣшенію, онъ выждалъ удобную минуту и далъ нѣсколько выстрѣловъ по обоимъ казакамъ. Сибиряки бросились въ разсыпную и только опасно раненый казакъ остался на мѣстѣ... Ипполитъ оглянулся кругомъ на безконечное, сѣрое, мертвенно тихое пространство и поѣхалъ въ сторону, ища болѣе закрытаго мѣста, стараясь держаться подальше отъ направленія, по которому онъ ѣхалъ съ казаками.

Что можетъ европеецъ, брошенный одинъ на сѣверъ Сибири, безъ пищи, безъ крова, спасающійся отъ врага, да еще въ офицерской одеждѣ? Онъ можетъ только идти куда глаза глядятъ, разрѣзая холодный воздухъ своимъ усталымъ, голоднымъ тѣломъ, до тѣхъ поръ, пока не свалится безъ силъ и безъ голоса на промерзлую тундру, готовую усыпить его навсегда. И Мышкинъ, на третій день послѣ своего бѣгства, еле живой лежалъ на землѣ, когда его нашли якуты,

скликнутые со всѣхъ улусовъ перепуганнымъ начальствомъ, и рыскавшіе, въ поискахъ за бѣжавшимъ, дни и ночи по необъятной, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ знакомой имъ тундрѣ.

Мышкина повезли въ Иркутскъ съ большими строгостями и предосторожностями. Тамъ его сдали въ канцелярію генералъ губернатора, и когда Ипполитъ заявилъ, что онъ дѣйствительно хотѣлъ освободить Чернышевскаго, его передали въ вѣдѣніе жандармовъ, которые ничего не узнали отъ Мышкина кромѣ того, что онъ такой-то, самъ задумалъ планъ освобожденія великаго писателя, самъ взялся его выполнить и одинъ будетъ отвѣчать за все это.

Депеши и телеграммы залетали между Иркутскомъ и Петербургомъ, фотографіи показывались повсемѣстно и администраціи удалось установить тождественность Мышкина, автора смѣлой попытки освобожденія, съ Мышкинымъ, владѣльцемъ нелегальной типографіи въ Москвѣ. Въ 1876 г. его привезли въ Петербургъ и здѣсь пріобщили къ сидѣвшимъ по дѣлу соціально-революціонной пропаганды въ 36 губерніяхъ.

Изъ Иркутска въ Петербургъ Мышкина сопровождалъ, кромѣ нижнихъ чиновъ, жандармскій офицеръ Бурлей, который, впослѣдствіи, былъ завѣдующимъ политическими тюрьмами на Карѣ. Этотъ тщеславный и крайне малодушный человѣкъ, кончившій тѣмъ, что за растрату вещей политическихъ заключенныхъ изъ ихъ цехгауза, на сумму сверхъ тысячи рублей, и за другія злоупотребленія — былъ переведенъ этапнымъ офицеромъ на одинъ изъ забайкальскихъ этаповъ (кажется, въ Мысовую) — разсказывалъ такъ о своемъ путешествіи съ Мышкинымъ:

„Да, человѣкъ выдающійся и я, конечно, предоставлялъ ему всевозможныя удобства. Онъ всю дорогу дѣлалъ, что хотѣлъ... и ночевали и отдыхали... Удивительно только, что онъ... что такой человѣкъ... бралъ руками жаркое изъ блюда... а я, знаете ли, не могу послѣ ѣсть... Тоже съ жандармами онъ былъ очень повелителенъ“... Потомъ, въ автобіографіи своей Мышкинъ самъ упоминалъ о характерѣ своей поѣздки изъ Иркутска въ Петербургъ. Всегда и со всѣми гордый, онъ по отношенію къ администраціи и „начальству“ держался высокомѣрно, презрительно, какъ человѣкъ на-

сквозь проникнутый сознаніемъ своей правоты и преступности своего врага. Подмѣтивъ низость натуры Бурлея, его тщеславныя замашки, его стремленіе изображать изъ себя утонченнаго барина — онъ съ еще большимъ пренебреженіемъ отнесся къ мизерной душонкѣ своего непосредственнаго „начальства". Всю дорогу Мышкинъ самъ распоряжался остановками, ночевками, чаепитіями; а когда докладывали, что лошади готовы, онъ становился по срединѣ комнаты и не трогался съ мѣста. Жандармы надѣвали на него шубу, натягивали валенки, укутывали башлыкомъ, а онъ все время стоялъ неподвижно. Затѣмъ его брали подъ руки и сводили съ крыльца, усаживали въ кибитку и окутывали одѣялами; онъ молча лежалъ всю дорогу, не обращая никакого вниманія на офицера, молившаго бога лишь о томъ, чтобы довезти въ цѣлости столь непокорнаго „преступника", за благополучное доставленіе котораго Бурлей получилъ наградныя и чинъ капитана.

V

Осенью 1876 г., вмѣстѣ съ другими семьюдесятью, намѣченными перстомъ Третьяго Отдѣленія, Мышкинъ былъ переведенъ изъ Дома Предварительнаго заключенія въ крѣпость. Здѣсь онъ снова увидѣлъ себя въ обществѣ своихъ московскихъ сотрудниковъ: Войнаральскій, Сунинская, П—чъ тоже были въ числѣ «опасныхъ» и тоже попали въ крѣпость. Обрадованный такимъ дорогимъ сосѣдствомъ, Ипполитъ быстро вошелъ въ сношенія со своими старыми товарищами и благодаря «стуку» на всѣ лады и невидимой перепискѣ, — онъ вошелъ въ курсъ и семейныхъ тюремныхъ интересовъ, и общероссійскихъ революціонныхъ дѣлъ, извѣстія о которыхъ проникали даже въ крѣпость. Дѣятельный духъ его проникся текущими интересами, а инціатива его слилась со всѣми планами и надеждами, которые одушевляли и волновали насъ, вызывая страстное желаніе еще послужить «дѣлу», еще примкнуть къ общей работѣ дѣломъ, словомъ, мыслью, любовью. Наши души горѣли яркимъ и чистымъ огнемъ, и мрачные, сырые склепы ра-

велиновъ напоминали тѣ пещерныя подземелья, гдѣ въ каждой темной нишѣ пламенѣетъ свѣча, горящая во имя бога, во имя той святыни, которой поклоняется, въ которую вѣритъ зажегшій ее.

Однимъ изъ этихъ свѣточей была и Фруза Сунинская, бѣлокурая, женственная, замѣчательно красивая по наружности дѣвушка, и гордая, убѣжденная гражданка съ твердымъ, сложившимся міросозерцаніемъ. Быть можетъ обаятельность этой дѣвушки, а можетъ быть и то, что отъ нея первой онъ услышалъ слово призыва къ тому пути, который далъ глубокое содержаніе всей остальной его жизни—вѣрнѣе и то, и другое — заставили Ипполита полюбить Фрузу еще тамъ, въ Москвѣ, среди совмѣстнаго труда, въ пылу кипучей работы. Мы уже знали, что они женихъ и невѣста, и всѣ радовались, представляя себѣ эту изящную и по внѣшности и по духу чету молодыхъ борцовъ.

Особенно близкій съ В—мъ и К—мъ, Мышкинъ, послѣ подробнаго сообщенія о своемъ странствованіи въ Сибирскія тундры, велъ долгія бесѣды о революціонной дѣятельности, собиралъ всѣ свѣдѣнія и новости относительно соціалистическаго движенія въ Россіи и тутъ же дѣлалъ выводы, критиковалъ, вносилъ свои взгляды и поправки, не переставая работать въ области составленія новыхъ плановъ, предпріятій, заботъ объ упорядоченіи организаціонной стороны дѣла и т. п. Такъ прошла зима 1876—77 годовъ, прошла весна, а лѣтомъ того же года намъ вручили обвинительный актъ по дѣлу 193-хъ и пригласили ходить въ канцелярію равелина (комната, гдѣ давались свиданія), чтобы читать „дѣло", т. е. показанія всѣхъ привлекаемыхъ по дѣлу о пропагандѣ въ 36 губерніяхъ: а этихъ прямыхъ и косвенныхъ участниковъ хожденія въ народъ допрошено было болѣе 2000 человѣкъ. Эти показанія,— подобранныя, насколько помнится, въ порядкѣ группировки вокругъ каждой значительной по участію въ дѣлѣ личности, – сложенныя въ толстыя синія папки, озаглавленныя, занумерованныя и зашнурованныя, давались читать подсудимымъ, для того чтобы они до суда могли знать, какія имѣются данныя подтверждающія или опровергающія обвиненія, изложенныя

противъ нихъ въ обвинительномъ актѣ. Такихъ папокъ было нѣсколько сотъ и ихъ развозили на телѣгахъ изъ Дома Пред. Зак. въ крѣпость и обратно, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль.

Въ канцеляріи вызывали заключенныхъ по шести-восьми человѣкъ; они садились вокругъ длиннаго стола, заваленнаго толстыми папками, и каждый бралъ себѣ ту, которая была ему интересна; перелиставъ одну — бралъ другую, третью. Но стоявшій возлѣ стола смотритель нашего равелина и крутившійся въ комнатѣ жандармскій офицеръ могли скоро замѣтить, что подсудимые не столько читали «дѣло», сколько переговаривались, смѣялись, и всякими способами норовили передавать другъ другу записки. По этому ли поводу, или же потому, что само начальство понимало, что судъ сословныхъ представителей вовсе не нуждается въ томъ, чтобы подсудимые имѣли ясное понятіе о своемъ дѣлѣ, но чтеніе поспѣшили прекратить, прежде чѣмъ мы успѣли ознакомиться съ сотой долей всего содержанія синихъ папокъ. Тѣмъ не менѣе, веселое настроеніе, вызванное свиданіями и близостью развязки, не покидало заключенныхъ и въ ихъ камерахъ. Ожиданіе предстоящаго суда породило множество рѣчей и разсужденій о нашемъ къ нему отношеніи, вызвало множество предложеній, отъ самыхъ крайнихъ до наиболѣе умѣренныхъ. Большинство сразу высказалось за отрицаніе правительственнаго суда, за отказъ отъ всякаго въ немъ участія подсудимыхъ. Многіе говорили, что не только не позволятъ говорить за себя адвокатамъ, (которыхъ можно было пригласить по своему выбору), но и откажутся отъ судебнаго слѣдствія и отъ послѣдняго слова; настаивали на томъ, что мы должны игнорировать и составъ суда, и все его производство, какъ лживое, безчестное учрежденіе, роль котораго состоитъ въ томъ, чтобы прикрывать собою явный произволъ Третьяго Отдѣленія, царившаго тогда вмѣсто теперешняго Департамента Полиціи. Говорить нечего, что Мышкинъ тоже не разсчитывалъ на правосудіе сенаторовъ и тоже не боялся того усилія наказанія, которое могло ожидать каждаго изъ дерзкихъ, рѣшавшихся громко заявить, что царскаго суда они не признаютъ, и, какъ

соціалисты и революціонеры, ничего общаго съ нимъ имѣть не могутъ. Тѣмъ не менѣе, разъ, послѣ долгихъ переговоровъ и обсужденій все того же жгучаго вопроса раздался особенно громкій стукъ въ рѣшетку окна (тогда еще доступную обитателю камеры), и Мышкинъ торжественно заявилъ, что пусть съ нимъ дѣлаютъ, что хотятъ, но онъ не можетъ отказаться отъ послѣдняго слова... „Ни оправдываться, ни защищаться не буду, пусть приговариваютъ къ чему хотятъ, но не сказать имъ въ глаза все, что я объ нихъ думаю, не назвать ихъ именами, которыя они заслужили — я не могу"....

Ему возражали, что никакіе доводы и доказательства не убѣдятъ царскихъ чиновниковъ въ безчестности ихъ поведенія, что никакія заслуженныя ругательства не смутятъ ихъ закаленной совѣсти; что судъ будетъ негласный, и рѣчь подсудимаго останется либо бисеромъ, брошеннымъ предъ свиньями, либо крикомъ негодованія, пропадающимъ въ безвоздушномъ пространствѣ.

— „Я не могу молчать... какъ хотите... я буду говорить. Я не могу не сказать подлецамъ всей правды о нихъ самихъ. Позвольте мнѣ всего разъ... всего одну рѣчь"...

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней онъ передалъ намъ набросокъ составленной имъ рѣчи, и маленькая бумажка, исписанная сжатымъ и мелкимъ почеркомъ, недѣли двѣ переходила изъ камеры въ камеру, возбуждая замѣчанія, привѣтствія, добавленія. Потомъ, этотъ набросокъ цѣликомъ вошелъ во вторую часть рѣчи Мышкина на судѣ, тогда какъ первая половина рѣчи, характеризующая тогдашнее движеніе, была составлена другимъ лицомъ, отказавшимся отъ слова въ пользу Ипполита. Изъ крѣпости насъ перевели въ Д. П. Зак., кажется, въ августѣ. Здѣсь, предложенія и дебаты относительно „суда" приняли еще болѣе оживленный характеръ, какъ потому, что общеніе между заключенными было значительно свободнѣе, такъ и потому, что для сидѣвшихъ здѣсь мысль отказаться отъ участія въ судѣ была и нова, и необычна. Пришлось вести усиленную пропаганду, доказывая, что кромѣ униженія и разочарованія въ себѣ, судъ ничего не дастъ политическому обвиняемому. Пренія по

этому вопросу шли успѣшно, когда случилось обстоятельство, ускорившее рѣшимость большинства отказаться отъ участія въ казенной комедіи. Обвинительный актъ гласилъ, что хотя всѣ 193 человѣка*), дѣйствовали въ разныхъ кружкахъ, разсѣянныхъ по 36 губерніямъ имперіи, но что всѣ вмѣстѣ, они составляютъ одно тайное сообщество, поставившее себѣ цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка вещей, для коренного измѣненія какъ формы правленія, такъ и экономическаго строя страны; и что потому каждаго изъ насъ слѣдуетъ считать членомъ этого тайнаго сообщества, на какомъ основаніи всѣ мы подвергаемся обвиненію по такой то статьѣ закона. Признаніе „сообщества", т. е. такого факта, который можетъ быть лишь слѣдствіемъ предварительнаго соглашенія для дѣятельности по одному плану и ради одной и той же цѣли, влекло за собой необходимость и совмѣстнаго судопроизводства, и одновременнаго присутствія въ залѣ засѣданія всѣхъ членовъ тайнаго сообщества, чтобы всѣ они могли слѣдить за ходомъ дѣла, одинаково касавшагося всѣхъ ихъ. Очевидно, сами судьи такъ думали, и потому первые три дня засѣданія всѣ 193 человѣка были приглашены въ залу суда одновременно.

Нетерпѣливое, томительное ожиданіе уже много дней наполняло наши сердца, и не мудрено, что когда въ одинъ прекрасный осенній день жандармы явились сопровождать подсудимыхъ изъ ихъ камеръ въ залу суда, то мы летѣли по длиннымъ корридорамъ мрачнаго зданія, на углу Литейной и Сергіевской, торопясь увидѣть себя среди массы дорогихъ лицъ и головъ, услышать знакомые и незнакомые голоса товарищей, съ которыми столько было пережито, столько выстрадано въ грязныхъ и темныхъ россійскихъ тюрьмахъ. Не бѣжали только тѣ, кто, ослабѣвъ отъ истощенія, еле двигали свои ослабѣвшія ноги, или же опирались на костыли, исхудалыми, обвисшими руками, или на каж-

*) Плюсъ 75 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя за три года предварительнаго заключенія. Одни умерли отъ чахотки, тифа, цынги и другихъ тюремныхъ болѣзней; другіе кончили самоубійствомъ, истомленные ужасами одиночнаго режима; третьи выбыли вслѣдствіе сумасшествія и были переведены, кто куда, въ дома умалишенныхъ.

домъ шагу останавливались, чтобы откашляться и придержать руками свою разбитую, исхудалую грудь *). Залъ отвели небольшой, нарочно, чтобы не было мѣста для публики. Всѣ 193 человѣка, и здоровые, и больные, размѣстились на всѣхъ имѣвшихся въ залѣ сидѣньяхъ; не осталось ни одного пустого мѣста. Всѣ женщины (ихъ было 37) усѣлись въ первый день на скамьи для адвокатовъ; мущины постарше (ихъ было человѣкъ 12—15, отъ 27 до 40 лѣтъ): Муравскій, Войнаральскій, Коваликъ, Мышкинъ, Рогачевъ и др. —заняли возвышеніе, назначенное для обвиняемыхъ, выступъ, окруженный перилами, который мы назвали „Голгоѳой“; а всѣ остальные, человѣкъ 140, усѣлись на мѣста отсутствующей публики. Такимъ образомъ, мы очутились какъ бы въ тѣсномъ ульѣ, у отверстій котораго стояли вооруженные жандармы и выглядывающіе изъ-за двери пристава. Сенаторы и прочіе судьи возсѣдали за большимъ длиннымъ столомъ, противъ мѣстъ публики. Вправо отъ нихъ, маленькій ехидный прокуроръ Желиховскій стоялъ на возвышеніи, почти закрытый своимъ пюпитромъ, а слѣва — столики съ секретарями, быстро вскакивавшими при малѣйшемъ жестѣ сенаторовъ. Передъ столомъ секретарей получился пустой квадратъ, который былъ полонъ адвокатовъ, принимавшихъ большое участіе въ ходѣ процесса, и двумя столиками, на которыхъ быстро чертили свои знаки двѣ скромныя стенографистки, одна отъ правительства, другая отъ защитниковъ; впослѣдствіи въ этотъ же четырехугольникъ вводились и свидѣтели, для дачи ихъ показаній и часто заполняли его тѣсной толпой, потому что всѣхъ свидѣтелей, созванныхъ со всей Россіи, было болѣе 900 человѣкъ.

Весь первый день ушелъ на опросъ подсудимыхъ: ихъ званія, вѣроисповѣданія, лѣтъ, занятій и т. п. Съ первыхъ же минутъ ясно было, что подсудимые отвѣчаютъ на вопросы предсѣдателя только между прочимъ, что на умѣ ихъ совсѣмъ другое, что вниманіе ихъ цѣликомъ направлено въ сторону взаимнаго сближенія. Всѣ думали только о томъ, какъ бы

*) Во время суда и вскорѣ послѣ, нѣсколько человѣкъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы вслѣдствіе опаснаго состоянія здоровья, умерли, пробывъ на волѣ кто нѣсколько недѣль, а кто всего нѣсколько дней.

переговорить между собою о необходимости общаго протеста, какъ бы скорѣе и, въ то же время, обстоятельнѣе договориться до единогласнаго рѣшенія значительнаго большинства, и до выработки мотивировки, долженствующей лечь въ основу нашего оффиціальнаго отказа отъ суда. Это былъ самый трудный пунктъ соглашенія, такъ какъ на немъ сталкивался цѣлый рядъ мнѣній: отъ самыхъ крайнихъ, до самыхъ умѣренныхъ.

Понятно, что такое положеніе дѣла вызвало необходимость множества свиданій и личныхъ переговоровъ, и что спѣшность вопроса заставила окончательно потерять всякій интересъ къ тому, что исходило отъ вышняго стола сенаторовъ. Всѣ чувства наши сосредоточились на радости свиданія и новыхъ знакомствъ, на взаимной пропагандѣ въ своей родственной средѣ. Сначала мы стали кланяться другъ другу на разстояніи и молча передавали изъ рукъ въ руки приготовленныя записки; потомъ мы стали разговаривать съ сосѣдями своими, а вся вторая половина засѣданія прошла уже въ томъ, что подсудимые стали мѣняться мѣстами, перелѣзать черезъ скамьи и вызывать нужныхъ для переговоровъ товарищей то съ того, то съ другого конца залы, не исключая и Голгофы. Мало по малу, вся зала заговорила; голосъ сенатора утонулъ въ общемъ шумѣ, а звонокъ предсѣдателя выбивался изъ силъ, не достигая желанныхъ результатовъ. Сенаторы недоумѣвали и начинали понимать, что имъ не справиться съ такой массой людей, не желающихъ ихъ слушать, что при такихъ условіяхъ, судебное производство будетъ невозможно *). И, какъ мы узнали сто-

---

*) Тогда русское правительство еще не знало силы молодыхъ «крамольниковъ» и думало справиться съ ними болѣе или менѣе открыто; оно дѣлало видъ, что у него и для нихъ есть судъ справедливый и милостивый. Оно еще не рѣшалось прибѣгнуть въ громкихъ случаяхъ къ административной ссылкѣ, въ такомъ, напримѣръ, какъ «большой процессъ», связанный съ революціонной пропагандой на протяженіи всей почти Россіи. Правительство разсчитывало, что, обнаруживъ предъ лицемъ всего общества столь обширную преступную дѣятельность, — оно вызоветъ сочувствіе къ себѣ всей благонадежной «положительной» части общества, менѣе же «положительную» молодую — запугаетъ жестокими приговорами.

роной, въ первый же день сенаторы рѣшили про себя разбить все «сообщество» на отдѣльныя группы, по мѣсту ихъ дѣятельности: Кіевскую, Московскую, Оренбургскую и т. д., чтобы надъ каждой изъ этихъ группъ особо вести судебное слѣдствіе. Такое рѣшеніе вопроса было несогласно даже съ ихъ собственнымъ закономъ, требующимъ, чтобы всѣ обвиняемые по одному и тому же дѣлу совмѣстно присутствовали на судѣ, въ виду необходимости знать каждому изъ нихъ всѣ подробности обстоятельствъ, сопровождающихъ процессуальную сторону дѣла; кромѣ того, это рѣшеніе осуждало всѣхъ насъ, уже посидѣвшихъ въ одиночкахъ по три года, а нѣкоторыхъ и по четыре — къ безконечному еще сидѣнью въ тюрьмахъ, такъ какъ вмѣсто одного суда приходилось пережидать цѣлыхъ 36, или около этого *). Тайные переговоры сенаторовъ съ остальными судьями немедленно становились извѣстными и намъ, а потому на другой день, назначенный для чтенія обвинительнаго акта (который мѣсяца за два до суда былъ выданъ намъ на руки и всѣмъ извѣстенъ) — подсудимые входили въ залъ, вооруженные единодушнымъ негодованіемъ противъ втайнѣ уже подготовленнаго судомъ грубаго нарушенія правъ людей, и безъ того много выстрадавшихъ, успѣвшихъ лишиться 75 товарищей, молодыхъ, здоровыхъ, еще не осужденныхъ и, быть можетъ, даже не причастныхъ къ дѣлу... Зала была полна воинственнаго духа, о судейскомъ столѣ и сенаторахъ никто не заботился, всѣ сердца и умы были направлены на скорѣйшее согласованіе содержанія и формы протеста.

Мы знали заранѣе, что есть меньшинство, человѣкъ около сорока, которые, кто по слабости, кто по убѣжденію, что не разсчетъ навлекать на себя увеличеніе наказанія — не будутъ протестовать. Но и остальные полтораста человѣкъ не были всѣ единогласны; имъ приходилось очень о многомъ толковать между собою и обсуждать то ту, то иную формулировку. А потому и второй день нашего присутствія

*) Дѣйствительно, почти полъ года прошло, пока сенаторы покончили со всѣми группами. Послѣ суда насъ продержали въ петербургскихъ тюрьмахъ тоже около полугода, и только въ іюлѣ 1878 года повезли въ Сибирь.

въ залѣ суда былъ занятъ дѣловыми переговорами, что вызывало большой шумъ, а вмѣстѣ съ нимъ звонки и рѣзкіе призывы къ порядку, въ свою очередь вызывавшіе серьезныя и не менѣе рѣзкія возраженія со стороны подсудимыхъ.

Вдругъ среди шума и взаимныхъ пререканій, раздался голосъ звучный, отчетливо произносившій каждое слово, точно привыкшій спокойно и властно отдавать приказанія, разрѣшать споры и требовать себѣ послѣдняго слова. Зала смолкла и головы обернулись къ человѣку, впервые громко заговорившему. На Голгоѳѣ, среди другихъ богатырей нашихъ, возвышалась голова съ блѣднымъ, правильнымъ лицемъ, не пышно, но красиво обрамленнымъ черной шапкой волосъ; высокій лобъ былъ приподнятъ, глаза строго смотрѣли въ сторону стола, окруженнаго мундирами. Это Мышкинъ протестовалъ противъ нарушенія правъ подсудимыхъ. Онъ началъ уже строго выговаривать сенаторамъ и уличать ихъ въ вѣроломствѣ, когда предсѣдатель, съ помощью адвокатскихъ свѣтилъ, сидѣвшихъ въ углу между судьями и Голгоѳой, поспѣшилъ разъяснить, что пренія еще не открылись, что когда кончится чтеніе обвинительнаго акта, каждый получитъ возможность сказать то, что хочетъ.

Снова подсудимые принялись за агитаціонную работу въ своей средѣ, снова загнусилъ Желиховскій имъ же составленный обвинительный актъ; снова сенаторы зѣвали и перешептывались, замышляя новыя козни противъ жертвъ своихъ разсчетовъ и видовъ на звѣзды и чины; снова адвокаты осматривались и прислушивались, изучая своихъ кліентовъ и предвкушая удовольствіе быть услышанными... а звуки серебристаго, чистаго и властнаго голоса стояли въ залѣ и наполняли сердца восхищенныхъ товарищей. Было еще нѣсколько попытокъ говорить, требовать объясненій, но предсѣдатель, хитрая лисица сенаторъ Ренненкампфъ, упорно отклонялъ переговоры, ссылаясь на то, что еще ничего не извѣстно опредѣленнаго, и что если вопросъ о дѣленіи на группы будетъ поставленъ, тогда и возможно будетъ обсуждать его, а заранѣе говорить о немъ нѣтъ основанія. Напрасно ему возражали, что предупредить рѣшеніе возможно только прежде, чѣмъ оно сдѣлано, предсѣ-

датель твердилъ свое и не давалъ говорить никому изъ подсудимыхъ. Инициаторы протеста поняли, что такое беззаконное поведеніе суда можетъ только усилить оппозиціонное настроеніе всего состава подсудимыхъ, и видя въ то же время, что всѣ ихъ попытки вразумить судей остаются безуспѣшными—съ новой энергіей принялись организовывать протестующихъ. Зала была полна самыхъ разнообразныхъ сценъ и настроеній: здѣсь сидѣли два товарища и горячо заканчивали теоретическій споръ, начатый ими еще перестукиваніемъ въ крѣпости; здѣсь женихъ и невѣста уславливались о томъ, какъ имъ быть въ случаѣ приговоровъ, разлучающихъ ихъ на долгіе годы; тамъ друзья юности спѣшили передать другъ другу пережитое ими за долгіе годы одиночества; тамъ и тутъ блѣдные, исхудалые сидѣли кандидаты на смерть и грустно смотрѣли на тѣхъ, кто былъ еще въ состояніи радоваться; для этихъ полуживыхъ людей утвердительное рѣшеніе вопроса о распредѣленіи всего состава на группы — было равносильно приговору умереть въ тюрьмѣ, не вдохнувъ ни разу свободнаго, чистаго воздуха: процессъ затягивался на много мѣсяцевъ.

Позади у стѣны, стояли двѣ-три сѣрыя фигуры, съ почернѣвшими безжизненными лицами, тупо смотрѣвшими впередъ и опускавшими глаза при встрѣчѣ съ чужимъ взглядомъ. Это были Низовкинъ и Ларіоновъ; первый — студентъ, сознательный предатель, второй — бѣглый уголовный, выдавшій себя за политическаго и тоже оговорившій всѣхъ извѣстныхъ ему лицъ.

А изъ конца въ конецъ залы, шагая черезъ скамьи съ народомъ, агитатары подходили то къ той, то къ другой группѣ лицъ и горячо убѣждали товарищей въ необходимости самаго рѣшительнаго и категорическаго протеста.

Говоръ, шумъ, звонки предсѣдателя, жалобы прокурора на то, что никто не слушаетъ его чтенія... и опять шумъ, говоръ. Такъ прошелъ второй день и тѣмъ же начался третій. Но за два дня безтактнаго поведенія суда публика наша окончательно взвинтилась и по мѣрѣ того, какъ зала наполнялась подсудимыми (приходившими одинъ за другимъ), чувствовалось, какъ поднималась революціонная атмосфера

и какъ все труднѣе и труднѣе становилась задача предсѣдателя, обязаннаго сохранять внѣшній порядокъ. Первую минуту даже не садились, а стояли кучками, громко разговаривая, убѣждая, доказывая. Усердный звонокъ и приглашенія предсѣдателя усадили, наконецъ, подсудимыхъ, и опять Желиховскій загнусилъ монотоннымъ голосомъ недочитанный обвинительный актъ. Судьи уже приготовились отдохнуть отъ напряженнаго состоянія, жандармы и пристава стали рѣже заглядывать въ двери, когда подсудимые, начавшіе разговаривать въ полъ-голоса, мало по малу, перешли къ громкому говору и снова зала превратилась въ громадный улей, шумящій, жужжащій, волнующійся. Звонки, призывы къ порядку—ничто не помогало. Со всѣхъ сторонъ слышались громкія возраженія: „Мы не хотимъ слушать вашего обвинительнаго акта"…. „Мы не признаемъ его." „Вы поступаете беззаконно… дѣлите сообщество, признанное вами, на отдѣльные процессы, этимъ вы удлиняете срокъ сидѣнья до безконечности… лишаете подсудимыхъ возможности совмѣстной защиты"… „Вы хотите всѣхъ заморить!… больные не вынесутъ дольше"… Бросивъ эти и подобные слова въ сторону царскаго зерцала, говорившіе отвертывались и продолжали говорить съ сосѣдями. Депеши на словахъ и на бумагѣ, летали изъ конца въ конецъ залы. Наконецъ, чтеніе окончилось, и прокуроръ уже намѣревался сказать свое заключеніе, какъ вдругъ зала огласилась криками негодованія и презрѣнія, и обвиненія во лжи и клеветѣ посыпались на голову жалкаго человѣка, дрожавшаго отъ злости за своимъ пюпитромъ. Ни звонковъ, ни воплей предсѣдателя не было слышно, все тонуло въ общемъ гулѣ голосовъ, и напрасно жандармы переступали порогъ залы и дѣлали видъ, что вотъ-вотъ ринутся въ толпу съ обнаженными шашками. Шумъ поднимался и поднимался все выше и выше, точно растущая буря; и какъ удары раскатистаго, звонкаго грома — голосъ Мышкина покрывалъ собою весь хоръ негодующихъ и въ звукѣ этого голоса точно откристализовывались чувства и мысли, наполнявшія сердца и головы собранія.

Съ грозной отвагой глядя на смертельныхъ враговъ своихъ, отчеканивая каждое мѣткое свое слово — бывшій ордина-

рецъ третировалъ, какъ самыхъ послѣднихъ негодяевъ, императорскихъ судей и прокурора и бросалъ имъ въ лицо одно обвиненіе за другимъ... Всѣ поднялись со скамей и небольшая зала точно сотряслась отъ взрыва негодованія... гнѣвныя восклицанія, жесты, крики... Люди, просидѣвшіе по три и по четыре года въ одиночкахъ, бросали вызовъ своимъ всесильнымъ судьямъ и гордо удерживали за собой право надъ своей совѣстью, надъ своими поступками. Гнѣвъ на позорно составленный обвинительный актъ, гдѣ не было ни правды, ни смысла, которымъ правительство хотѣло представить предъ лицомъ населенія всѣхъ насъ мальчишками недоучками, людьми безъ принциповъ, безъ совѣсти, безъ мысли; обида за больныхъ и слабыхъ товарищей, осужденныхъ еще на мѣсяцъ лишняго сидѣнья; отвращеніе ко всей обстановкѣ суда, сопряженной съ самой наглой ложью, со всевозможными унизительными и оскорбительными процедурами для подсудимаго – все это вмѣстѣ создало ту атмосферу непримиримости, которая и вызвала бурю, напугавшую и судей, и прокурора, и стражей. Сенаторы вскочили со своихъ мѣстъ, за ними побѣжали всѣ ихъ прихвостни; Желиховскій успѣлъ вскрикнуть: „Да это чистая революція...“ и спрятался сначала за пюпитръ, а потомъ выскочилъ за дверь. Не стало ни судей, ни прокурора. Изумленные адвокаты осматривались во всѣ стороны, а стенографистки, блѣдныя, перепуганныя, не знали, что и какъ вносить въ свои протоколы. А подсудимые смѣялись и продолжали прерванные разговоры. Но вотъ, одинъ изъ бѣгавшихъ приставовъ поспѣшно вынесъ резолюцію, что засѣданіе закрыто... Въ тотъ же день сенаторы оффиціально постановили и объявили о томъ, что процессъ тайнаго сообщества, сорганизовавшагося для соціально-революціонной пропаганды въ 36 губерніяхъ Россійской имперіи — расчленяется на группы и что каждая изъ этихъ группъ будетъ имѣть свое отдѣльное судопроизводство и, слѣдовательно, свой приговоръ. По просту это значило, что, боясь имѣть дѣло со всѣми 193 заключенными заразъ, сенаторы сочли болѣе удобнымъ для себя справляться съ группами лицъ въ 10—15—20 человѣкъ. Пока одна группа посѣщала судебное

слѣдствіе, остальныя должны были продолжать сидѣть въ одиночкахъ, ничего не зная, въ какомъ видѣ находится та часть дѣла, за которую имъ придется спеціально отвѣчать. Послѣ оффиціальнаго объявленія резолюціи сенаторовъ *), всѣ, стоявшіе за протестъ, тутъ же отказались отъ участія въ судоговореніи. На слѣдующій же день въ судъ вызвали только часть подсудимыхъ **), именно петербургскую группу, (кружокъ Чайковцевъ), которая почти цѣликомъ заявила суду о своемъ недовѣріи къ его образу дѣйствій и, отказавшись принимать въ немъ какое бы то ни было участіе, вернулась въ свои камеры.

Тѣмъ не менѣе, судьи продолжали засѣдать и вести заочно дѣла отказавшихся на ряду съ дѣлами тѣхъ двухъ-трехъ человѣкъ каждой группы, которые не хотѣли протестовать и присутствовали въ залѣ суда во время судопроизводства; а время это для каждой группы въ отдѣльности тянулось на столько долго, что въ общей сложности взяло нѣсколько мѣсяцевъ. Именно судъ начался 17 октября 1877г., а кончился 23 января 1878 г.; въ окончательной же формѣ приговоръ былъ объявленъ въ маѣ.

Жандармы и надзиратели Дома Предварительнаго Заключенія хорошо знали, кто изъ насъ принадлежитъ къ протестующей сторонѣ, и кто былъ согласенъ явиться въ судъ. Заключенные нисколько не стѣснялись высказывать свои мысли, свои взгляды, свое отношеніе къ администраціи и всему правительству, взятому въ цѣломъ. Съ утра до вечера окна одиночекъ, выходившія во дворъ, пріотворялись на своихъ желѣзныхъ цѣпяхъ, и узники, стоя на раковинахъ умывальниковъ и просунувъ голову въ отверстіе — вели обширные переговоры, произносили громкія рѣчи и обсуждали

---

*) Все рѣшали именно эти господа, и то по указанію Третьяго Отдѣленія. Что же касается «сословныхъ представителей», то они раболѣпно вторили мнѣніямъ и желаніямъ сенаторовъ, даже не пытаясь вставить свое слова.

**) И заранѣе отказавшихся отъ суда водили въ присутствіе для того будто бы, чтобы отказъ былъ сдѣланъ формально, передъ судомъ; тѣхъ, кто не хотѣлъ идти въ зданіе суда добровольно — вели подъ руки два жандарма. Рогачева внесли въ залу на рукахъ.

вопросы также свободно и открыто, какъ это дѣлается на сходкахъ, гдѣ рѣшаются вопросы революціонныхъ принциповъ и тактики. Кромѣ этихъ гласныхъ засѣданій, нашей характеристикой для Третьяго Отдѣленія служило еще то множество записокъ и рукописей, которыя отбирались въ камерахъ во время внезапныхъ ночныхъ посѣщеній жандармеріи, нѣсколько разъ нарушавшихъ обычный тюремный режимъ во время суда. Тѣмъ не менѣе, согласно принципамъ юридической морали, каждаго изъ подсудимыхъ должны были представить предъ свѣтлыя очи судей, хотя бы силой, чтобы честные судьи собственными ушами услышали отказъ подсудимаго и разъяснили бы ему всѣ истекающія отсюда невыгоды для неразумнаго протестанта. На самомъ же дѣлѣ, судьямъ, уже совершившимъ открыто беззаконіе (раздѣленіемъ насъ на группы послѣ составленія единаго для всѣхъ обвинительнаго акта) стало какъ-то неловко судить массу лицъ, не имѣя почти никого изъ нихъ на лицо. Тѣмъ болѣе неловко, что при групповомъ дѣленіи всѣ скамьи для публики оказались свободными и были заняты, по билетамъ, ближайшими родственниками обвиняемыхъ.

Публика, множество свидѣтелей, толпа адвокатовъ*), торжественный столъ съ краснымъ сукномъ и золотыми кистями, судьи въ мундирахъ съ крестами и звѣздами и... одинъ, два подсудимыхъ. Неловко, неудобно суду милостивому и справедливому судить за глаза людей, которые сидятъ въ двухъ шагахъ отъ залы, въ пяти минутахъ ходьбы по мрачнымъ, сырымъ сводамъ, соединяющимъ зданіе суда съ Домомъ Предварительнаго Заключенія. У судей была тайная надежда на то, что авось притащенный силой обвиняемый соблазнится, опустится на лавку и останется въ залѣ. Въ виду такой возможности, какъ имъ казалось, предсѣдатель любезно встрѣчалъ вводимыхъ протестантовъ, обращаясь къ нимъ со словами: "садитесь, садитесь." Но, выслушавъ мотивировку подсудимаго, указывавшую обык-

*) Адвокатовъ пригласили и протестующіе, но не для защиты на судѣ. Отъ всякой защиты мы, протестующіе, отказались. Всѣхъ свидѣтелей вызвано было къ суду болѣе 900 человѣкъ, со всѣхъ концовъ Россіи.

новенно на беззаконія, злоупотребленія и превышенія власти царскихъ представителей — предсѣдатель спѣшилъ уволить его изъ залы засѣданія и съ неспокойнымъ сердцемъ ожидалъ появленія слѣдующаго военноплѣннаго.

Когда наступила очередь Московской группы, которая тоже почти вся протестовала, то къ великому удивленію жандармовъ, Мышкинъ хотя и заявилъ, что идетъ въ судъ, только подчиняясь насилію, — пошелъ спокойно, не оказывая никакого сопротивленія. Напротивъ, смѣлый и гордый, онъ шелъ, какъ воинъ на давно ожидаемый бой, и взошелъ на Голгоѳу, какъ на трибуну, съ которой долженъ былъ повѣдать всенародно грозное слово врагамъ народа. И онъ сказалъ это слово, какъ никто еще не говорилъ въ Россіи.

Всѣ мы, протестовавшіе, къ большому нашему огорченію, не слышали этой знаменитой рѣчи, извѣстной «рѣчи Мышкина» на судѣ. Но часъ спустя, а можетъ быть и раньше, мы уже знали о ней и о томъ громовомъ впечатлѣніи, какое она произвела на слушателей, изъ разсказовъ прибѣжавшихъ адвокатовъ, блѣдныхъ, задыхающихся, встрѣтившихъ насъ возгласами: «Мы ничего такого не слыхали... Надо родиться такимъ ораторомъ, этого нельзя передать!...» То пытались передать они намъ силу впечатлѣнія, произведеннаго рѣчью на всѣхъ присутствующихъ, даже на самихъ судей; то пытались передать содержаніе рѣчи; то описывали эпизодъ борьбы съ жандармами товарищей нашихъ, тридцати человѣкъ, пришедшихъ нарочно вмѣстѣ съ Мышкинымъ, чтобы не впускать жандармовъ на Голгоѳу, когда они бросятся стаскивать его; то опять возвращались къ самой рѣчи, восхищаясь ораторскимъ искусствомъ Мышкина, превратившагося въ грознаго судью царскихъ судей; то возвращались къ обморокамъ и истерикамъ, вызваннымъ бурнымъ краснорѣчіемъ оратора. Мы слушали эти разсказы съ замирающимъ сердцемъ, со слезами восторга на глазахъ. Скоро вернулись и надзирательницы, бѣгавшія на судъ въ свободные часы, и полились новые разсказы, полные восхищенія и удивленія. Затѣмъ пришли тѣ немногія товарки, которыя посѣщали судъ, и, прерывая слова свои громкими рыданіями, старались передать намъ болѣе связно содер-

жаніе рѣчи и тѣ подробности, которыми сопровождался этотъ блестящій обвинительный актъ, предъявленный правымъ преступникомъ своимъ неправымъ судьямъ.

VI

На сколько хорошо, что эта славная рѣчь Мышкина сохранилась для исторіи, на столько же прискорбно, что другая его рѣчь, не менѣе яркая, могучая и красноречивая, сказанная имъ въ Иркутскѣ надъ гробомъ умершаго тамъ товарища Дмоховскаго, — погибла для потомства... Объ этой второй рѣчи товарищи, слышавшіе ее, отзываются, какъ о верхѣ краснорѣчія и ораторскаго искусства.

Она была произнесена въ церкви иркутской тюрьмы, сейчасъ послѣ обѣдни, на которой кромѣ уголовныхъ и политическихъ арестантовъ присутствовало все тюремное начальство и толпа посѣтителей. Посреди церкви стоялъ гробъ съ тѣломъ Дмоховскаго, умершаго на пути изъ «централки» въ Карійскіе рудники. Когда окончилась служба, Мышкинъ подошелъ къ гробу, поднялъ руку и сталъ говорить. Не смотря на два года сидѣнья въ одной изъ харьковскихъ централокъ, голосъ его остался такимъ же могучимъ и музыкальнымъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, съ первыхъ же звуковъ своихъ онъ чаровалъ слушателей, и они замирали, внимая каждому слову, каждому жесту, каждому взгляду оратора. И тутъ, торжественно-спокойный и грозный, онъ явился обвинителемъ злодѣйскаго правительства и всей его подлой клики. Показывая на трупъ любимаго товарища, не торопясь, съ полной увѣренностью въ своемъ правѣ, Мышкинъ нарисовалъ картину самодержавнаго механизма и, клеймя достойными словами служителей его, въ горячихъ словахъ, въ страстныхъ выраженіяхъ разоблачалъ всѣ ужасы, къ которымъ ведетъ царская власть въ Россіи.

Все замерло. Никто не подумалъ прервать мощную рѣчь человѣка, такъ властно говорившаго. Пораженный священникъ стоялъ тутъ же и неподвижно внималъ... Но вотъ прозвучалъ заключительный возгласъ и жестомъ ораторъ далъ знать, что рѣчь окончена. Всѣ вздрогнули. Священ-

никъ заметался и сталъ выкрикивать слова проклятія; опомнившееся начальство въ ужасѣ набросилось на Мышкина и съ помощью солдатъ и надзирателей увлекло его въ тюрьму.

Эта вторая рѣчь стоила Мышкину вторичной десятилѣтней каторги. Двѣ рѣчи и двѣ каторги.

Еще не окончился судъ надо всѣми группами, какъ Третье Отдѣленіе, испугавшееся бурнаго настроенія заключенныхъ, распорядилось перевести изъ Дома Предварительнаго Заключенія въ Петропавловскую крѣпость двадцать мужчинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ товарищей нашихъ; въ числѣ ихъ оказался, конечно, и Мышкинъ. Тогда, вмѣсто личнаго воздѣйствія и устныхъ бесѣдъ, началась усиленная переписка между высланными въ крѣпость и оставшимися въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, что значительно облегчалось и раньше существовавшей перепиской между женихами и невѣстами и просто друзьями. Сношенія съ Ипполитомъ велись черезъ Супинскую. Какъ преданная революціонерка, она усердно слѣдила за всѣмъ, что касалось движенія какъ на волѣ, такъ и въ тюрьмѣ, обо всемъ подробно сообщала Ипполиту, а его письма передавала намъ, для общаго свѣдѣнія. По частымъ и длиннымъ его письмамъ (каждое на нѣсколькихъ листахъ «конспиративной» бумаги), можно было видѣть, какъ онъ быстро входилъ въ положеніе революціоннаго вожака; какъ подробно и основательно обдумывалъ всѣ условія работы, вникалъ въ организаціонныя дѣла партіи и предлагалъ обширные и подробные планы кампаніи. Онъ составилъ схему организаціи на широкихъ началахъ, куда входила и цѣлая сѣть типографій, и склады оружія, и раздѣленіе Россіи на революціонные районы, ради удобства партизанской войны, на необходимости которой онъ настаивалъ. «Нападать, а не ждать нападеній, писалъ онъ; нападающій всегда сильнѣе того, кто защищается только»... Голова его работала въ то время исключительно надъ вопросами революціи, онъ весь горѣлъ желаніемъ служить ей, одной только ей.

Онъ зналъ, что его ждетъ заточеніе въ центральную тюрьму, но это ни на минуту не заставляло его считать себя инвалидомъ, выбитымъ изъ рядовъ дѣйствующей арміи, и всѣ его помыслы обращались въ средѣ товарищей по борьбѣ. Невѣсту свою онъ любилъ горячо, предстоящая разлука не могла не терзать его сердца, любилъ онъ и мать свою, которая долго жила въ Петербургѣ, чтобы ходить къ единственному своему сыну на свиданіе, но и эти привязанности не смягчали его боевого настроенія, и въ лицѣ своей невѣсты онъ видѣлъ товарища, готоваго идти на смерть и на всѣ лишенія по первому зову общаго дѣла, а въ матери своей онъ видѣлъ женщину изъ народа, способную понять сына, отдающаго жизнь свою на избавленіе этого народа. И онъ не ошибался ни въ той, ни въ другой. Старуха-мать являлась на свиданіе всегда бодрая и даже веселая, стараясь развлечь сына своимъ хорошимъ, бодрымъ настроеніемъ; она же цѣлыми днями помогала нашимъ женщинамъ, вѣдавшимъ Краснымъ Крестомъ, разносить и раздавать заключеннымъ и книги, и все, что пропускалось въ тюрьму.

Фруза Супинская, нѣжная, изящная дѣвушка, держала себя настоящей гражданкой; ея любовь къ Ипполиту не только не ослабляла ея готовности бороться до конца, но поднимала ее высоко надъ земными желаніями, и всѣ помыслы ея направляла къ одной цѣли: бороться, бороться, бороться! Какъ только она узнала, что присужденную ей пятилѣтнюю каторгу смѣнили на ссылку въ Архангельскую губернію (съ лишеніемъ правъ), она прежде всего занялась соображеніями о томъ, какъ устроить побѣгъ свой для возвращенія къ революціонной работѣ. Ей не удалось выполнить своего плана потому только, что смерть застигла ее на пути къ его осуществленію. Она простудилась во время пути по берегу Бѣлаго моря, слегла отъ воспаленія легкихъ, и, молодая, здоровая, красивая, полная вѣры въ себя и въ свое дѣло — погибла, заброшенная вражеской рукой въ снѣгахъ полунощной, пустынной страны, одинокая, безъ вѣстей о дорогихъ людяхъ, безъ возможности дать знать о себѣ тому, кто самъ рвался къ ней въ мысляхъ сво-

ихъ. Ей не разрѣшили писать Мышкину, ихъ разлучили навсегда.

Судьба, выпавшая на долю Мышкина, была тоже не изъ легкихъ. Сдѣлавшись революціонеромъ, отрѣшившись отъ всего стараго строя жизни, онъ нашелъ въ себѣ человѣка, цѣнившаго свое достоинство выше всего на свѣтѣ. Свобода и борьба стали его девизомъ, и онъ не могъ молча выносить унизительныя столкновенія, въ такомъ обиліи выпадающія на долю плѣнниковъ правительства. Онъ не терпѣлъ своихъ враговъ, они ненавидѣли своего непокорнаго узника, и непрестанная борьба царила между ними и влекла за собой непрестанныя лишенія и притѣсненія на голову скованнаго Прометея.

Послѣ того, какъ онъ съ другими двѣнадцатью товарищами подписалъ извѣстное заявленіе о своей всегдашней готовности работать на дѣло освобожденія народа; послѣ того, какъ не состоялось его освобожденіе, предпринятое партіей по отношенію къ пяти лицамъ (Войнаральскому, Ковалику, Рогачеву, Муравскому и Мышкину), отправленнымъ въ центральную каторжную тюрьму Харьковской губ., послѣ этого, запертый въ суровую одиночку, безъ книгъ, безъ теплой одежды, безъ всякихъ сношеній съ волей, безъ какой бы то ни было помощи, онъ задумалъ сдѣлать подкопъ изъ своей камеры. Голыми руками копалъ онъ землю и утаптывалъ подъ своими нарами и уже почти достигъ наружнаго выхода, когда злая случайность открыла его приготовленія и подвергла его еще болѣе варварскому режиму и неусыпнымъ наблюденіямъ тюремной стражи. — Прошло три года той страшной жизни, которая описана однимъ изъ сидѣвшихъ тамъ („Надгробное слово" Александру II) и оставшихся въ живыхъ „централистовъ" рѣшено было перевести на Кару, для окончанія тамъ сроковъ каторги. Состояніе ихъ физическихъ силъ было таково, что прежде чѣмъ отправить ихъ этапомъ въ далекій путь, начальство должно было продержать ихъ въ Мценской тюрьмѣ полъ года, чтобы дать имъ возможность стоять на ногахъ. Мышкинъ и его товарищи по суду были изъ наиболѣе сохранившихся и мценскіе узники не замедлили увидѣть въ

своей средѣ воспрянувшихъ богатырей революціи, гордо и бодро глядѣвшихъ въ будущее, снова ковавшихъ мечи для дальнѣйшихъ битвъ и схватокъ.

Шествіе „централистовъ“ по Сибири (ихъ было 30 человѣкъ по разнымъ процессамъ), совершавшееся медленнымъ этапомъ и длившееся полъ года, на всѣхъ насъ, сибирскихъ ссыльныхъ, производило впечатлѣніе грандіознаго шествія могучей духовной силы, побѣдоносно вышедшей изъ ада мученій и гордо и смѣло идущей на встрѣчу новымъ пыткамъ и мукамъ.

Во всѣхъ закоулкахъ необъятныхъ сибирскихъ пространствъ получались письма съ описаніемъ этого торжественнаго марша, возбуждавшимъ восторгъ товарищей и удивленіе самой администраціи, встрѣчавшей и сопровождавшей бритыхъ и закованныхъ въ кандалы богатырей съ особымъ почтеніемъ и осторожностью. — „Централисты ужъ подъ Томскомъ... подъ Красноярскомъ... подъ Иркутскомъ... бодрые... здоровьемъ поправляются... всѣ думаютъ о р а б о т ѣ“... И сердца наши бились сильнѣе и намъ становилось совѣстно за наше бездѣйствіе, за наше неумѣніе воспользоваться сравнительно легкими условіями жизни.

Ранней весной 1882 года централисты были уже на Карѣ. Здѣсь они застали болѣе ста политическихъ каторжанъ и нѣсколько плановъ для побѣговъ съ каторги; пришедшіе охотно присоединили свои силы къ выполненію этихъ плановъ. Желающихъ бѣжать было много, но съ приходомъ централистовъ сдѣлали пересмотръ кандидатамъ и, по общему соглашенію, Мышкинъ былъ признанъ первымъ кандидатомъ на выходъ изъ тюрьмы*). Тогда Мышкинъ выбралъ себѣ въ товарищи молодаго рабочаго Хрущева и удачно добрался до Владивостока, гдѣ собирался садиться

---

*) Надо вѣрить, что весь «Карійскій побѣгъ» будетъ описанъ кѣмъ либо изъ непосредственныхъ свидѣтелей его, какъ самый сложный, искустно задуманный и выполненный, и неудавшійся въ окончательномъ подсчетѣ лишь по чисто посторонней причинѣ. Сейчасъ же быть можетъ не время еще оглашать всѣ подробности его сопровождавшія (изъ за конспиративныхъ условій) и мы должны ограничиться только тѣмъ, что лично касается Ип. Мышкина.

на морской пароходъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда разосланныя телеграммы уже предупредили всѣ сибирскія начальства объ исчезновеніи шестерыхъ политическихъ каторжанъ. — Огромное пространство отъ Кары до Владивостока (три тысячи верстъ) было пройдено двумя бѣглецами, воспользовавшимися пароходами, ходившими по Амуру, въ мѣсяцъ времени. Затѣмъ, прошло два-три мѣсяца, пока ихъ снова возвратили на Кару.

За это время произошла радикальная перемѣна въ тюремномъ режимѣ каторжанъ. Строгости и притѣсненія начались съ первыхъ же дней открытія побѣга; а тотъ отпоръ, который начальство встрѣтило со стороны заключенныхъ, положилъ начало ожесточенной борьбѣ двухъ сторонъ, не равныхъ по физической силѣ, но не равныхъ и по силѣ духа. Горсть представителей чести и разума русскаго народа боролась на смерть съ безчестнымъ и злобнымъ правительствомъ россійской имперіи, и эта многолѣтняя борьба, унесшая столько жертвъ въ могилу, искалѣчившая здоровье всѣхъ оставшихся въ живыхъ, продолжалась до того времени, когда карійскія тюрьмы были закрыты и неокончившіе сроковъ каторжане были переведены въ Акатуйскій рудникъ.

По возвращеніи на Кару Мышкинъ принялъ участіе въ общей тюремной борьбѣ и вновь сталъ переживать всѣ ужасы. выпадающіе на долю плѣнника русскаго правительства. Голодовки и бунты смѣнялись мрачнымъ затишьемъ и вновь возникали съ большей силой и рѣзкостью, дѣлая жизнь заключенныхъ сплошнымъ нравственнымъ и физическимъ мученьемъ. Но Мышкинъ точно не видѣлъ своихъ страданій. Лишенія, доводившія сидѣвшихъ до истощенія всѣхъ силъ, нагонявшія тоску и хандру на большинство молодыхъ и здоровыхъ, проходили для него незамѣченными. Онъ мучился совсѣмъ другимъ. Его терзала мысль о томъ, что побѣгъ его былъ отчасти причиной тѣхъ ужасовъ, которые творились надъ его товарищами. Эта мысль иногда сквозила въ его письмахъ, частыхъ и длинныхъ, которыя онъ обыкновенно обращалъ къ Софьѣ Александровнѣ Лешернъ, съ которою дружилъ уже въ Д. П. З. и особенно сблизился на Карѣ. Въ этихъ же письмахъ, по нашей

просьбѣ, онъ описывалъ по частямъ свою прошлую жизнь; но охотнѣе всего онъ писалъ свои соображенія относительно разныхъ серьезныхъ очередныхъ вопросовъ, свое отношеніе къ текущимъ дѣламъ. У себя, въ мужской тюрьмѣ, онъ почти не затрагивалъ вопроса о послѣдствіяхъ своего побѣга, но все его поведеніе по отношенію къ товарищамъ показывало, что главнымъ желаніемъ его было сколько нибудь смягчить суровую жизнь, услужить, утѣшить. Онъ молча глядѣлъ на окружающую жизнь, читалъ, писалъ потихоньку и слѣдилъ за минутами, когда могъ хоть чѣмъ нибудь угодить другимъ. Централка и Кара выработали изъ него аскета, но не мрачнаго, не недоступнаго, а лишь суроваго къ себѣ самому, отъ себя требовавшаго силы, твердости, великодушія. Эта неподкупная строгость къ себѣ дѣлала его высшимъ существомъ въ глазахъ прочихъ товарищей, и имя Мышкина произносилось съ особымъ почтеніемъ, даже наиболѣе снисходительными къ себѣ.

Время шло, а страданія точили жизнь самыхъ здоровыхъ и сильныхъ тѣломъ и духомъ. Но изъ подъ пера Мышкина не выходило ни слова жалобы, ни намека на усталость. Онъ зналъ, что къ двумъ каторгамъ за его знаменитыя рѣчи ему прибавятъ третью за побѣгъ, но и это какъ будто не интересовало его, и всѣ его помыслы были направлены лишь на то, чтобы доразрѣшить себѣ еще нѣкоторые вопросы и въ особенности вопросъ о нѣкоторыхъ пріемахъ революціонной борьбы, имѣвшихъ особую важность въ его глазахъ. Мы горячо спорили, и, кто медленно, кто быстро рѣшалъ поставленные имъ вопросы; однако, замѣтно было, что его практическій умъ требовалъ болѣе реальныхъ доказательствъ, могущихъ быть провѣренными самою жизнью.

А въ это время, кто-то, гдѣ-то судилъ Мышкина въ третій разъ, безъ его вѣдома, безъ всякаго участія съ его стороны. Явились жандармы, схватили его и увезли... Все сразу порвалось. Не стало Ипполита, не стало его дорогихъ писемъ, не стало и того радостнаго чувства, которое вызывалось обмѣномъ мыслей съ человѣкомъ, одинъ образъ котораго вызывалъ восторгъ, голосъ котораго всегда звучалъ,

какъ призывная боевая труба для тѣхъ, кто хоть одинъ разъ слышалъ его вдохновенную рѣчь.

Закованнаго по рукамъ и ногамъ мчали Мышкина въ Шлиссельбургскую крѣпость; но гордый духъ его былъ свободенъ и снова чувствовалъ себя на полѣ битвы. Онъ одинъ и за все самъ отвѣтитъ передъ судьбою. Правительство не могло спокойно спать, оставивъ его на Карѣ; оно уже утратило вѣру въ ея недоступность побѣгамъ; оно надѣялось однако, что по крайней мѣрѣ тяжелыя стѣны крѣпости смирятъ отвагу ея безстрашнаго врага, и что удастся его заморить постепенно, неслышно. Оно ошиблось. Ни высокія мрачныя стѣны, ни тяжелыя кандалы не помѣшали борцу бросить въ послѣдній разъ оскорбленіе въ лице низкимъ, подлымъ врагамъ, и имъ волей-неволей пришлось еще разъ вызвать крикъ негодованія изъ груди лучшей части Россіи: «Мышкина разстрѣляли»!

Е. Брешковская.

РѢЧЬ И. С. МЫШКИНА.

Первоприсутствующій. Подсудимый Мышкинъ! Вы обвиняетесь въ томъ, что принимали участіе въ противузаконномъ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства. Признаете ли вы себя виновнымъ?

Мышкинъ. Я признаю себя членомъ не сообщества, а соціально революціонной партіи, и прошу позволенія объяснить, въ чемъ именно заключается преступленіе, которое я, по собственному моему сознанію, совершилъ противъ русскихъ государственныхъ законовъ.

П. Объясните.

М. Я не могу признать себя членомъ тайнаго сообщества, потому что я и товарищи мои, товарищи не только по заключенію, но и по убѣжденіямъ, не представляемъ нѣчто обособленно-цѣлое, связанное единствомъ внѣшней, общей для всѣхъ организаціи. Мы составляемъ лишь частицу многочисленной въ настоящее время на Руси соціально-революціонной партіи, понимая подъ этимъ словомъ всю массу лицъ одинаковыхъ съ нами убѣжденій, — одинаковыхъ, конечно, только вообще, а не въ частностяхъ, — лицъ, между которыми существуетъ хотя преимущественно только внутренняя связь, однако связь достаточно реальная, обусловливаемая единст[illegible] цѣлей и большимъ или меньшимъ однообразіемъ ср[illegible]ъ практической дѣятельности. Основная задача соціально-[illegible]еволюціонной партіи — установить на развалинахъ теперешняго государственно-буржуазнаго порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованіямъ народа въ томъ видѣ, какъ они выразились въ круп-

ныхъ и мелкихъ движеніяхъ народныхъ и повсемѣстно присущихъ народному сознанію — составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливѣйшую форму общественной организаціи. Строй этотъ — земля, состоящая изъ союза независимыхъ производительныхъ общинъ. Осуществленъ онъ можетъ быть только путемъ соціальной революціи, потому что государственная власть преграждаетъ всѣ мирные пути для достиженія этой цѣли и добровольно никогда не откажется отъ насильственно присвоенныхъ ею себѣ правъ. Въ этомъ намъ ручается весь ходъ исторіи. Возможно ли мечтать о мирномъ пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочетъ даже и выслушать этого голоса и за всякое стремленіе, несогласное съ видами ея, награждаетъ тюрьмой и каторгой? Возможно ли мирное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ соотвѣтственно народнымъ потребностямъ, когда народъ, не только для осуществленія своихъ желаній, но даже и для выраженія ихъ не имѣетъ другого средства, кромѣ бунта — этого единственнаго органа народной гласности.. Едва ли эта мысль нуждается въ подстрочномъ примѣчаніи.

П. Вы признали себя членомъ извѣстной партіи. Вы объяснили, въ чемъ заключается ваше стремленіе; затѣмъ препятствія, о которыхъ вы говорите, не входятъ въ кругъ обсужденія суда; поэтому я не вижу возможности, ни даже надобности для суда выслушивать все то, что вы говорите.

М. Весьма важно выяснить, почему мы смотримъ на революцію, какъ на единственно возможный исходъ изъ настоящаго положенія.

П. То, что относится къ вопросу о вашей виновности, вы уже достаточно выяснили: остальное вы можете сказать впослѣдствіи.

М. Я полагаю, что для суда весьма т[illegible]но знать, какъ мы относимся къ революціи, т. е. пре[illegible]олагаемъ ли мы, что наша партія должна, во что бы то [illegible] стало, немедленно вызвать, создать революцію, или только позаботиться объ успѣшномъ исходѣ ея; предполагается ли немедленное осуществленіе революціи, или въ болѣе или менѣе отдален-

номъ будущемъ; отъ этого будетъ зависѣть опредѣленіе моей виновности съ точки зрѣнія государственныхъ законовъ.

П. Объ этомъ вы можете говорить.

М. Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не въ томъ, чтобы вызвать, создать революцію, а въ томъ, чтобы только гарантировать успѣшный исходъ ея, потому что не нужно быть пророкомъ, чтобы при нынѣшнемъ отчаянно бѣдственномъ положеніи народа, предвидѣть, какъ неизбѣжный результатъ этого положенія, — всеобщее народное возстаніе. Въ виду неизбѣжности этого возстанія, нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно болѣе продуктивно для народа и, главное, предостеречь его отъ всѣхъ фокусовъ, которыми западно европейская буржуазія обманывала тамошнюю народную массу и одна извлекала для себя выгоды изъ народной крови, пролитой на баррикадахъ. Ради этой цѣли наша практическая дѣятельность должна состоять въ сплоченіи, въ объединеніи революціонныхъ силъ, революціонныхъ стремленій, въ сліяніи двухъ главныхъ революціонныхъ потоковъ: одного, недавно возникшаго и проявившаго уже порядочную силу — въ средѣ интеллигенціи, и другого, болѣе широкаго, болѣе глубокаго, никогда не изсякавшаго потока — народно-революціоннаго. Въ этомъ объединеніи революціонныхъ элементовъ путемъ окончательнаго сформированія соціально-революціонной партіи и заключалась вся задача движенія 1874—75 гг. Задача эта, если не вполнѣ, то въ значительной степени выполнена, и знамя соціальной революціи водружено во всѣхъ концахъ русской земли. Прибавлю къ этому, что въ только что сказанныхъ мною словахъ я указалъ лишь на центръ нашей дѣятельности и что въ массѣ участвовавшихъ въ послѣднемъ движеніи были лица, стоящія на различныхъ ступеняхъ революціоннаго развитія, начиная съ тѣхъ, кто дѣлалъ первые шаги по пути уясненія причинъ народныхъ страданій, и кончая отдѣльными личностями, дѣлавшими попытки организаціи силъ нашей партіи. При всемъ различіи взглядовъ по другимъ вопросамъ приверженцы соціальной революціи сходятся въ одномъ: что революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ при сознаніи

нмъ, во имя чего она совершается; другими словами: настоящій государственный строй долженъ быть ниспровергнуть только тогда, когда пожелаетъ этого самъ народъ. Слѣдовательно, если правительство солидарно съ народомъ, оно не можетъ насъ считать злоумышленниками. Можно ли указывать, какъ на заговорщиковъ и бунтовщиковъ, на тѣхъ, кто говоритъ: «Мы хотимъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовлетвореніи настоятельнѣйшихъ нуждъ страны, нуждъ, сознаваемыхъ хорошо самимъ народомъ; мы предлагаемъ для этого свою посильную помощь и — да будетъ все такъ, какъ пожелаетъ народъ. Вѣдь въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ни тюремъ, ни военныхъ командъ, ни большихъ промышленныхъ предпріятій, закабаляющихъ тысячи рабочаго люда. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ насиловать народную волю въ пользу излюбленныхъ нами идей. Мы можемъ дѣйствовать только убѣжденіемъ. Всѣ средства насилія находятся въ распоряженіи и дѣйствительно практикуются нашими противниками. Если же, не смотря на крайне неблагопріятныя для насъ условія, правительство все таки имѣетъ серьезныя основанія опасаться, что наша дѣятельность увѣнчается успѣхомъ, то, значитъ, мы не ошибаемся, разсчитывая на сочувствіе народа нашимъ идеямъ; но въ такомъ случаѣ мы не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанныхъ народомъ.

Объяснивъ въ краткихъ словахъ цѣль и средства соціально-революціонной партіи, я перехожу къ слѣдующему, не менѣе важному вопросу о причинахъ возникновенія и развитія этой партіи вообще и движенія 1874 г. въ частности. Въ обвинительномъ актѣ все это дѣло представлено такимъ образомъ, что были-де на Руси обломки прежнихъ политическихъ сообществъ, была еще русская эмиграція въ Швейцаріи, явилось еще нѣсколько энергичныхъ личностей и по слову ихъ: «Да будетъ революціонное движеніе на Руси!» — создалось таковое по всему лицу земли русской. А такъ какъ обломки преступныхъ сообществъ и эмиграція давно существовали и всегда будутъ существовать до скончанія нынѣшняго государственнаго строя, то оказывается, что

движеніе, подобное нынѣшнему, было вызвано и всегда можетъ быть вызвано по произволу 3—4 лицами. Конечно, ни одинъ мыслящій человѣкъ, сколько нибудь понимающій причины соціальныхъ явленій, не удовлетворится подобнымъ прокурорскимъ объясненіемъ. Для крупнаго соціальнаго явленія должны быть крупныя соціальныя причины. Нужно особенное недомысліе или особенная недобросовѣстность, чтобы называть искусственно созданными революціонныя движенія въ средѣ интеллигенціи...

П. Прошу не употреблять подобныхъ выраженій.

М. Я говорю только, что движенія эти не созданы искусственно. Изучая ихъ, мы прежде всего замѣчаемъ тотъ знаменательный фактъ, что всѣ движенія въ интеллигенціи соотвѣтствуютъ параллельнымъ движеніямъ въ народѣ и даже являются простыми отголосками послѣднихъ; такъ что движенія народа и интеллигенціи представляютъ какъ бы два параллельныхъ потока, стремящихся слиться въ общее русло, уничтоживъ раздѣляющую ихъ вѣковую плотину; плотина эта — рознь между интеллигенціей и народомъ, которая сложилась вслѣдствіе вѣковой отчужденности ихъ другъ отъ друга. Первое движеніе интеллигенціи въ началѣ 60-хъ годовъ было отголоскомъ того сильнаго народнаго волненія, которое было во время крестьянской реформы, вслѣдствіе того, что народъ не удовлетворялся этимъ мнимымъ своимъ освобожденіемъ. Это движеніе положило фундаментъ соціально-революціонной партіи. Затѣмъ, ко времени исполненія 10 лѣтія крестьянской реформы въ народѣ стали ходить настойчивые слухи объ уменьшеніи и даже объ уничтоженіи выкупныхъ платежей. Слухи эти хотя не вызвали массы бунтовъ, какъ въ 60-хъ годахъ, но все таки поддерживали волненіе въ народѣ, и отголоскомъ на это волненіе явилось движеніе интеллигенціи, завершившееся такъ называемымъ Нечаевскимъ процессомъ. Наконецъ, въ наши дни обѣднѣніе народа, истощаемаго непомѣрными платежами и поборами, дошло до того, что нужно быть совершенно глухимъ, чтобы не слышать громкаго ропота народа. Этотъ ропотъ и вызвалъ движеніе 1873—75 гг., которое было послѣднимъ фазисомъ развитія соціально-революціонной партіи. Эта только

что указанная, несомнѣнно существующая, связь между революціонными движеніями въ интеллигенціи и въ народѣ легко можетъ ускользнуть отъ вниманія общества по той простой причинѣ, что, благодаря извѣстной практикуемой въ Россіи системѣ гласности, до свѣдѣнія нашего общества доводится преимущественно только о разныхъ мелочахъ; о болѣе же крупныхъ фактахъ народной жизни систематически умалчивается или же не менѣе систематически извращается. Напримѣръ, о крестьянскихъ бунтахъ въ 60-хъ годахъ общество наше знаетъ только по слухамъ...

П. Особое присутствіе вовсе не нуждается въ примѣрахъ.

М. Если высказанный мною взглядъ о системѣ русской гласности представляется для особаго присутствія несомнѣнной истиной, не нуждающейся въ доказательствахъ, то я охотно готовъ воздержаться отъ приведенія примѣровъ, которые подтвердили бы мою мысль.

П. Для суда это не составляетъ истины. Судъ сумѣетъ самъ различить, что истина; отъ него зависитъ придать мнѣнію подсудимаго то или другое значеніе.

М. Я это очень хорошо знаю и желаю только полнѣе выяснить тотъ весьма важный вопросъ, что движенія интеллигенціи не созданы искусственно, а составляютъ только отголосокъ народныхъ волненій. Общество наше въ настоящее время знаетъ только, что былъ судъ и происходитъ судъ надъ нѣсколькими представителями революціоннаго движенія въ средѣ интеллигенціи, и ему можетъ показаться, что это движеніе не имѣетъ подъ собой твердой почвы, не имѣетъ твердой связи съ народомъ, потому что отъ общества скрыты другія, болѣе рѣзкія проявленія революціоннаго духа въ самомъ народѣ; а между тѣмъ въ такихъ проявленіяхъ въ 1873—75 гг. недостатка не было. Не говоря уже о волненіяхъ между уральскими казаками, о которыхъ наше общество имѣетъ очень скудныя свѣдѣнія, во многихъ другихъ мѣстахъ приходилось прибѣгать къ помощи военныхъ командъ для усмиренія народа; нѣсколько татарскихъ волостей въ Пермской губерніи, раскольники на уральскихъ заводахъ, крестьяне въ Казанской губерніи, въ Воронежской, въ Кіевской...

П. Вы опять приводите примѣры, въ которыхъ, какъ я уже сказалъ, не нуждается особое присутствіе; да они и не могутъ быть подтверждены на слѣдствіи.

М. Иначе мои заявленія будутъ голословны.

П. Вы входили въ вашей рѣчи въ очень подробный разборъ. Я вамъ сдѣлалъ вопросъ о томъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ принадлежности къ противузаконному обществу, указанному въ обвинительномъ актѣ; вы себя признали принадлежащимъ къ другому незаконному обществу, какому — вы сказали. Затѣмъ я не вижу, что можетъ еще остаться для выслушанія суду по этому вопросу.

М. Г. Первоприсутствующій! Я хотѣлъ только выяснить, что причина нашего преступленія есть народныя движенія, которыя были въ послѣднее время, что эти движенія существуютъ и что наше движеніе есть не болѣе какъ отголосокъ этихъ движеній.

П. Ваши мнѣнія ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить для суда доказательствомъ или такимъ фактомъ, который онъ долженъ былъ бы принять за несомнѣнный выводъ изъ того, что вы говорите. Если желаете говорить, то говорите такъ, чтобы ваша рѣчь въ настоящее время не имѣла защитительнаго характера, потому что до этого еще не дошло дѣло. Говорите такъ, чтобы судъ могъ себѣ уяснить, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняетесь, и что васъ побудило къ этому преступленію; но не касайтесь такихъ фактовъ, которые не могутъ подлежать обсужденію суда.

М. Если я говорю, что меня побудило къ этому невыносимое положеніе народа, то я долженъ же привести примѣры?!

П. Это совершенно излишне. Вы сослались на тяжелое положеніе народа и продолжайте дальше.

М. Я думаю, я имѣю право доказывать правильность моихъ выводовъ. Разумѣется, судъ можетъ относиться къ моимъ мнѣніямъ, какъ ему угодно, но для чего же не дать мнѣ высказать причины, побуждавшія меня, для чего зажимать мнѣ ротъ?...

П. Вамъ никто не зажимаетъ ротъ. На основаніи закона

я обязанъ допускать пренія и доказательства только противъ того, что предъявлено въ обвиненіи; поэтому не могу дозволить вамъ говорить о томъ, что не подлежитъ нашему обсужденію. Я вамъ не препятствую продолжать рѣчь, но прошу ограничиваться только выводами, которые вы признаете нужнымъ сказать суду.

М. Г. Первоприсутствующій! Я хотѣлъ привести эти примѣры только для того, чтобы выяснить слѣдующее: мы видимъ теперь, что въ числѣ моихъ товарищей — дѣвушка, намѣревающаяся читать крестьянамъ лекціи по соціальнымъ вопросамъ, — юноша, давшій книгу крестьянскому мальчику, — нѣсколько человѣкъ, разсуждающихъ о причинахъ народныхъ страданій и высказавшихъ такое мнѣніе, что не худо бы, пожалуй, народное возстаніе; — всѣ они привлечены къ суду, какъ тяжкіе преступники. А лица, открыто возмутившіяся противъ государственной власти и усмиренныя только при помощи штыковъ и розогъ, ссылаются административнымъ порядкомъ. Какъ будто бы у насъ говорить о бунтѣ гораздо преступнѣе, чѣмъ участвовать въ самомъ бунтѣ! Этотъ абсурдъ очень понятенъ: представители другой, болѣе страшной для правительства силы, силы народной, могли бы сказать на судѣ слово нѣсколько болѣе полновѣсное, болѣе непріятное для государственной власти и болѣе поучительное для общества, чѣмъ мы. Поэтому-то имъ и зажимаютъ ротъ и не даютъ имъ возможности сказать свое слово передъ обществомъ. Кромѣ бунтовъ, есть еще и другіе, не менѣе значительные факты, доказывающіе усиленіе въ послѣднее время революціонныхъ стремленій въ народѣ, какъ напримѣръ, распространеніе революціонныхъ сектъ, гдѣ отрицаніе государственной власти возводится въ догматъ: источникъ этой власти именуется антихристомъ, а представители этой власти — слугами антихриста; образованіе въ крестьянской средѣ обществъ съ спеціальною цѣлью уклоненія отъ платежа повинностей безъ всякой религіозной основы, исчезновеніе цѣлыхъ деревень по той же причинѣ, т. е. какъ результатъ стремленія избавиться отъ невыносимыхъ поборовъ...

П. Эти объясненія не относятся къ вопросу о виновности, который я предложилъ вамъ. Я позволилъ вамъ говорить

потому, что вы признали себя виновнымъ въ принадлежности хотя и не къ тому сообществу, въ которомъ обвиняетъ прокуратура, но къ другому, или къ партіи...

М. Я не сказалъ, что признаю себя виновнымъ, и не не могъ сказать этого, потому что, напротивъ, считалъ и считаю своею обязанностью, долгомъ чести стоять въ рядахъ соціально-революціонной партіи.

П. Ну да, вы признали себя членомъ партіи и достаточно уже разъяснили свое преступленіе. Все остальное, что вы желали бы сказать, вы можете изложить впослѣдствіи.

М. Но для суда необходимо еще знать причины, вызвавшія данное политическое преступленіе. Объ этихъ-то причинахъ я и желалъ бы сказать еще нѣсколько словъ. Возникновеніе соціально-революціонной партіи относится къ началу 60-хъ гг. Оно совершилось, какъ отголосокъ на народныя страданія и народныя волненія, при участіи извѣстной фракціи русской интеллигенціи, благодаря главнымъ образомъ, двумъ причинамъ: во первыхъ, вліянію на интеллигенцію передовой западно-европейской соціалистической мысли и крупнѣйшаго практическаго примѣненія этой мысли — образованія Международнаго Общества Рабочихъ; во вторыхъ, уничтоженію крѣпостного права, потому что послѣ крестьянской реформы, въ средѣ неподатныхъ классовъ, образовалась цѣлая фракція, испытавшая на самой себѣ всю силу гнета государственнаго экономическаго строя, готовая откликнуться на зовъ народа и послужившая ядромъ соціально-революціонной партіи. Фракція эта — умственный пролетаріатъ. Кромѣ того, крестьянская реформа оказала три важныя услуги соціально-революціонному дѣлу: 1) съ 19 февраля 1861 г. начинается развитіе капиталистическаго производства съ его неизбѣжнымъ спутникомъ — борьбою между капиталомъ и трудомъ; 2) крестьянская реформа, вмѣстѣ съ другими реформами, послужила для насъ нагляднымъ доказательствомъ истины, которая прежде была намъ извѣстна только изъ книгъ и по чужому опыту, доказательствомъ полной несостоятельности политическихъ реформъ въ дѣлѣ кореннаго улучшенія народнаго быта. Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ ликованіемъ привѣтствовало русское

либеральное общество такъ называемыя великія реформы нынѣшняго царствованія! — и что же мы видимъ въ результатѣ? Народъ доведенъ до отчаянно бѣдственнаго положенія, до небывалыхъ хроническихъ голодовокъ, и не нужно особеннаго политическаго радикализма, чтобы усомниться въ благодѣтельности всѣхъ этихъ реформъ для народной массы; 3) крестьянинъ, освобожденный отъ помѣщика, сталъ лицомъ къ лицу съ представителями губернской власти, увидѣлъ, что ему нечего надѣяться на эту власть, нечего ждать отъ нея, увидѣлъ, что онъ жестоко обманывался, вѣря въ царскую правду, ища въ ней опору противъ своихъ враговъ...

П. Вы достаточно уже выяснили свою мысль...

М. Я хочу только сказать, что крестьянамъ не трудно было убѣдиться, что превозносимая, препрославленная крестьянская реформа сводится къ одному: къ переводу болѣе 20-ти милліоновъ крестьянскаго населенія изъ разряда помѣщичьихъ холоповъ въ разрядъ государственныхъ или, вѣрнѣе сказать, чиновничьихъ рабовъ. Какъ прежде крестьянинъ работалъ всю жизнь на помѣщика, такъ теперь весь его трудъ идетъ въ казну. Какъ прежде помѣщикъ былъ полнымъ властителемъ жизни и собственности крестьянина, такъ теперь чиновникъ...

П. Вы говорите о томъ, какъ крестьяне относятся къ реформамъ и къ правительству; вы не можете говорить объ этомъ здѣсь за крестьянъ...

М. Мнѣ необходимо выяснить эту сторону вопроса въ особенности потому, что только тогда судъ пойметъ, почему я — сынъ крѣпостной крестьянки и солдата — видѣвшій собственными глазами уничтоженіе крѣпостного права, — не только не благословляю правительство, совершившее эту реформу, но стою въ рядахъ отъявленныхъ враговъ его. Когда крестьяне увидали, что ихъ надѣляютъ песками да болотами, да такими клочками земли, на которыхъ немыслимо веденіе хозяйства, сколько-нибудь обезпечивающаго бытъ земледѣльца, а между тѣмъ за эти клочки наложили громаднѣйшія платежи, превышающіе въ нѣсколько разъ доходность надѣловъ; когда крестьяне увидѣли, что

это новое нарушеніе права народа на землю совершается не по произволу помѣщиковъ, а съ утвержденія верховной власти; что въ положеніи 19 февраля нѣтъ той статьи, присутствіе которой они предполагали, которая должна была охранять народные интересы и скрыта, будто бы, духовенствомъ и помѣщиками; когда они увидѣли все это, то не могли не убѣдиться, — что имъ не на кого болѣе надѣяться, какъ на свои собственныя силы. Рядомъ съ этимъ крестьяне, превратившіеся въ орудіе капиталистическаго производства, поняли всю прелесть такъ называемаго свободнаго договора между голоднымъ тружеником и сытымъ капиталистомъ, поняли также, что капиталистъ угнетаетъ рабочаго не только вслѣдствіе экономической несостоятельности послѣдняго, но еще и благодаря тому, что въ спорахъ между капиталистомъ и рабочимъ правительство всегда становится на сторону перваго, — поняли это и не могли не отнестись съ еще большею ненавистью къ угнетающей ихъ государственной власти...

П. Я не могу дозволить вамъ порицать правительство.

М. Человѣкъ, совершающій политическое преступленіе, самымъ этимъ фактомъ порицаетъ уже правительство. Я не могу вовсе разъяснить моего преступленія, и, въ особенности, причинъ его, не касаясь такихъ сторонъ государственной жизни которыя съ моей точки зрѣнія заслуживаютъ порицанія. Если мое мнѣніе ошибочно, то оно повредитъ только мнѣ. А если въ немъ есть правда, то тѣмъ менѣе основаній зажимать мнѣ ротъ.

П. Я не зажимаю вамъ ротъ, я говорю только, что не могу допустить порицать правительство.

М. Мнѣ необходимо указать тѣ элементы, изъ которыхъ соціально-революціонная партія почерпаетъ свои силы. Я сейчасъ кончу это перечисленіе. Послѣ земледѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ, умственный пролетаріатъ, какъ по своему экономическому положенію, такъ и по своимъ знаніямъ, извлеченнымъ изъ историческаго опыта нашего и другихъ народовъ, не могъ не стать въ ряды враговъ государственности. Наконецъ, въ эти же ряды стали изъ другихъ классовъ общества личности, которыя по самой на-

турѣ своей способны дѣйствовать только во имя извѣстнаго, выработаннаго ими идеала, а не для узкихъ, эгоистическихъ цѣлей. Вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ почерпала и до сихъ поръ почерпаетъ свои силы социально революціонная партія. Прочнымъ цементомъ, скрѣплявшимъ всѣ революціонные элементы, служитъ крайне бѣдственное положеніе народа, и совершенное безправіе россійскихъ гражданъ. Что народъ находится въ очень бѣдственномъ положеніи...

П. Вы объ этомъ уже говорили, и нельзя возвращаться опять...

М. Я не могу не говорить подробно объ этомъ вопросѣ, потому что источникъ всѣхъ революціонныхъ движеній — чрезвычайныя страданія народа и недовольство его своимъ положеніемъ. Притомъ въ обвинительномъ актѣ почти на каждой страницѣ можно найти указанія, что подсудимые напирали главнымъ образомъ на тяжесть податей, на недостатокъ земли, на общее обѣднѣніе крестьянъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мнѣ часто приходится возвращаться къ этому предмету, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе перерывовъ, которымъ я подвергался со стороны г. первоприсутствующаго, я не могу излагать свои соображенія вполнѣ послѣдовательно, систематично. Повторяю, я считаю этотъ вопросъ самымъ существеннымъ, и потому мнѣ необходимо сказать о немъ еще нѣсколько словъ...

П. Вы извольте теперь вести вашу рѣчь къ тому, признаете ли вы себя виновнымъ или нѣтъ.

М. Я уже сказалъ, что признаю себя членомъ социально-революціонной партіи. Въ моей рѣчи я хотѣлъ выяснить тѣ причины, которыя повлекли за собою созданіе этой партіи.

П. Вы уже сказали о причинахъ; намъ больше нечего знать.

М. Въ такомъ случаѣ я не могу окончить того, что я хотѣлъ еще сказать по главному вопросу. Перехожу къ другимъ, болѣе частнымъ.

Изъ обвинительнаго акта видно, что, по увѣренію прокурора, сообщество, въ принадлежности къ которому я обвиняюсь, поставило цѣлью своей дѣятельности борьбу

противъ религіи, собственности, семьи и науки, возводило лѣность и невѣжество на степень идеала и сулило, въ видѣ ближайшаго осуществленія блага, житье на чужой счетъ. Если бы дѣйствительно подтвердилось, что другіе подсудимые задавались подобными цѣлями, то я руками и ногами открестился бы отъ солидарности съ ними, и чтобы очистить себя отъ подобныхъ обвиненій, я выскажу свой взглядъ на задачу соц.-револ. партіи по отношенію къ только что перечисленнымъ мною вопросамъ. Начну съ религіи. Въ идеалѣ общественнаго строя, стремиться къ осуществленію котораго я поставилъ цѣлью своей дѣятельности, нѣтъ мѣста уголовнымъ наказаніямъ за распространеніе какихъ бы то ни было зловредныхъ, въ томъ числѣ и религіозныхъ идей, за совращеніе въ ереси, за исполненіе или неисполненіе обрядовъ, предписанныхъ такою-то церковью и т. п. Словомъ, нѣтъ мѣста насилію надъ мыслью и совѣстью человѣка; каждый можетъ вѣрить или не вѣрить во что ему угодно; каждая община, если только пожелаетъ, будетъ имѣть право строить у себя на свой собственный счетъ сколько угодно церквей и содержать сколько угодно поповъ. Никто помѣшать этому не можетъ, ибо община вполнѣ самостоятельная, вполнѣ независимая устроительница своихъ дѣлъ. Согласно нашему идеалу, не должно быть такой власти, которая принуждала бы подъ страхомъ наказанія лгать, лицемѣрить...

П. Васъ и теперь никто не принуждаетъ лгать, лицемѣрить. Прошу воздержаться отъ подобныхъ инсинуацій.

М. По нашимъ законамъ я, подъ страхомъ уголовнаго наказанія, не могу перейти изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе, слѣдовательно, законъ принуждаетъ меня лицемѣрить.

М. Вы не можете порицать законовъ, вообще, каковы бы ни были законы, они не подлежатъ нашему обсужденію.

М. Я констатирую только извѣстный фактъ. Я говорю, что въ желанномъ намъ строѣ не должно быть такой силы, которая заставляла бы людей насильно, подъ конвоемъ жандармовъ, шествовать въ христіанскій или иной рай.

П. (возвысивъ голосъ). Я не могу дозволить такихъ выраженій!

М. Словомъ, по отношенію къ религіи я желаю одного— полнѣйшей вѣротерпимости, и глубоко убѣжденъ, что свобода слова въ соединеніи съ правильнымъ воспитаніемъ и образованіемъ непремѣнно приведутъ къ торжеству истины т. е. къ торжеству научной мысли надъ мыслью теологической, и тогда...

П. Намъ нѣтъ дѣла до вашихъ убѣжденій.

М. А за что же я сижу, какъ не за убѣжденія?

П. Не за убѣжденія, а за дѣйствія.

М. За дѣйствія, которыя служатъ только выраженіемъ моихъ убѣжденій. Перехожу къ другому обвиненію, взводимому на всѣхъ насъ прокуратурой, въ томъ, что мы возводили невѣжество на степень идеала. Это очевидная клевета, и мнѣ не стоитъ ни малѣйшаго труда опровергнуть ее. Приведу хоть одно соображеніе. Кого скорѣе можно назвать ревнителемъ невѣжества: тѣхъ ли, кто съ рискомъ для себя, печатаетъ и распространяетъ хоть бы такія книги, какъ сочиненія Лассаля, или тѣхъ, кто преслѣдуетъ, истребляетъ подобныя книги?

П. Вы произносите защитительную рѣчъ, для которой теперь не время.

М. Я хочу только возразить на тѣ обвиненія, которыя взведены прокуроромъ на всѣхъ подсудимыхъ огуломъ, а въ томъ числѣ и на меня.

П. Это вы успѣете сдѣлать въ свое время, а не теперь.

М. Я прошу указать мнѣ моментъ, когда я буду имѣть право говорить объ этомъ.

П. Я не обязанъ указывать; это будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія суда.

Затѣмъ первоприсутствующій обращается къ Мышкину съ вопросомъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что составлялъ, печаталъ и разсылалъ въ разныя мѣстности сочиненія, возбуждающія къ бунту или иному неповиновенію власти верховной, съ цѣлью распространенія ихъ.

М. Я признаю, что въ качествѣ содержателя типографіи, я считалъ своею обязанностью, по мѣрѣ силъ своихъ,

содѣйствовать печатанію книгъ, запрещенныхъ правительствомъ и прошу позволенія теперь же объяснить причины, побудившія меня къ этому. Мысль о необходимости печатанія книгъ антиправительственнаго содержанія созрѣвала во мнѣ постепенно, и я рѣшился, наконецъ, осуществить ее только тогда, когда окончательно убѣдился, что у насъ на Руси печать находится въ безотрадно-жалкомъ положеніи, вовсе не соотвѣтствующемъ потребностямъ, какъ современнаго образованнаго общества, такъ и въ особенности потребностямъ народа; когда я убѣдился, что у насъ каждый правдивый, неподкрашенный разсказъ изъ жизни трудящагося люда, каждая честно написанная книга, объясняющая дѣйствительныя причины народныхъ страданій, каждая дѣльная статья, указывающая страшныя язвы на русскомъ государственномъ и общественномъ организмѣ, — все это безпощадно преслѣдуется, истребляется, сжигается...

П. Вы произносите защитительную рѣчь.

М. Могу ли я говорить о причинахъ преступленій?

П. Объ этомъ вы можете говорить послѣ... Затѣмъ... (смотритъ въ обвинительный актъ). Вы обвиняетесь еще въ томъ...

М. Я не буду отвѣчать ни на какіе ваши вопросы, прежде чѣмъ успѣю дать необходимыя разъясненія по первымъ двумъ обвиненіямъ.

П. Такъ садитесь.

Мышкинъ сѣлъ.

Затѣмъ былъ допрошенъ свидѣтель Гольдманъ.

М. Хотя я на основаніи 729 ст. Уст. уг. суд. имѣю право требовать, чтобы мнѣ было сообщено обо всемъ, бывшемъ на судѣ по первымъ 11 группамъ, но такъ какъ я увѣренъ, что подобное требованіе, не смотря на всю его законность, не будетъ уважено, то я считаю излишнимъ обращаться съ нимъ къ суду. Но я прошу, по крайней мѣрѣ, сообщить мнѣ о тѣхъ наиболѣе важныхъ частяхъ судебнаго слѣдствія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе ко мнѣ, какъ къ одному изъ членовъ предполагаемаго сообщества. Напр. всѣ подсудимые, слѣдовательно въ томъ числѣ и я, обвиняются въ готовности къ совершенію всякихъ преступленій

ради пріобрѣтенія денегъ. Я желаю знать, подтвердило ли судебное слѣдствіе тѣ факты, на основаніи которыхъ прокуроръ сдѣлалъ это обвиненіе. Такъ, подтвердило ли слѣдствіе, что нѣкоторые подсудимые «предлагали Идаліи Польгеймъ сдѣлаться любовницей какого-то старика, курскаго помѣщика, съ тѣмъ, чтобы обобрать его, отравить, а деньги доставить на пользу кружка». Если я получу отвѣтъ на этотъ вопросъ, то затѣмъ укажу еще нѣсколько подобныхъ же мѣстъ обвинительнаго акта, относительно которыхъ мнѣ необходимо знать, подтверждены ли они судебнымъ слѣдствіемъ.

П. Во время всего слѣдствія по первымъ 11-ти группамъ ваше имя ни разу не упоминалось; слѣдовательно, оно вовсе не относится до васъ.

М. До меня относятся всѣ тѣ факты, на которыхъ построены общіе прокурорскіе выводы; напр. я уже указалъ на обвиненіе въ готовности совершить преступленіе ради денегъ. Такъ какъ въ обвинительномъ актѣ не сказано, что оно относится только до такихъ-то лицъ, а возводится вообще на всѣхъ, то очевидно, что сдѣлано это только вслѣдствіе предположенія солидарности между всѣми нами; поэтому каждый изъ насъ имѣетъ право знать всѣ тѣ части слѣдствія, которыя относятся до подобныхъ общихъ обвиненій. На требованіе объясненія, подтвердило ли судебное слѣдствіе, какъ упомянутый мною фактъ, такъ и другіе, подобные же факты, я настаиваю потому, что, какъ извѣстно частнымъ образомъ, уже доказана судебнымъ слѣдствіемъ лживость ихъ, а слѣдовательно, и лживость прокурорскихъ выводовъ.

П. (Возвысивъ голосъ). Прошу не употреблять подобныхъ оскорбительныхъ выраженій.

М. Для выясненія вопроса о правѣ моемъ на полученіе требуемыхъ мною свѣдѣній я желаю, чтобы прокуроръ объяснилъ, относится ли обвиненіе въ готовности на всякія преступленія въ числѣ прочихъ подсудимыхъ и ко мнѣ, или нѣтъ?

П. Подобнаго объясненія прокуроръ теперь не можетъ

дать. Когда вы услышите обвинительную рѣчь, тогда и представите свои соображенія.

М. Но, не располагая данными всего слѣдствія, я лишенъ буду возможности опровергнуть общіе прокурорскіе выводы, хотя бы они были совершенно неосновательны.

П. Вы будете слышать слѣдствіе по этой группѣ и узнаете все, что относится до васъ.

М. Но я не узнаю ничего, относящагося до тѣхъ обвиненій, о которыхъ я упомянулъ и которыя возводятся вообще на всѣхъ подсудимыхъ.

П. Вы еще не знаете, что будетъ выяснено здѣсь на судебномъ слѣдствіи.

М. Обвиненіе меня въ принадлежности къ сообществу основано не на какой либо отдѣльной группѣ свидѣтельскихъ показаній; въ обвинительномъ актѣ вовсе не указаны даже улики, изобличающія меня въ этомъ преступленіи: значитъ, обвиненіе это основано исключительно на предположеніи нравственной связи между всѣми подсудимыми,— предположеніи, извлеченномъ, вѣроятно, прокуроромъ изъ всего слѣдственнаго производства. По этому и я, какъ сторона, равноправная по закону съ прокуроромъ, имѣю право на ознакомленіе со всѣми данными, подтверждающими, по мнѣнію прокурора, связь между нами и въ особенности съ тѣми данными, на которыхъ, повторяю, основано обвиненіе всѣхъ насъ огуломъ въ различныхъ преступленіяхъ.

П. Еще разъ говорю, что, находя слѣдствіе по предыдущимъ группамъ не относящимся до васъ, я не считаю нужнымъ сообщить вамъ о немъ.

М. Въ такомъ случаѣ я желаю теперь возразить на нѣкоторыя изъ прокурорскихъ обвиненій. Такъ между прочимъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что мы смотримъ на науку, какъ на средство эксплуатировать народъ, и склоняемъ учащуюся молодежь покидать школы. Я открыто признаюсь, что принадлежу къ числу тѣхъ, которые не видятъ для революціонера необходимости оканчивать курсъ въ государственныхъ школахъ. Такъ какъ этотъ взглядъ навлекъ на насъ уже не мало нареканій со стороны извѣстной части общества, то я считаю необходимымъ объяснить, путемъ

какихъ соображеній я пришелъ къ этому взгляду. Я предположилъ: что, если бы Россія въ настоящее время находилась подъ татарскимъ игомъ, и во всѣхъ большихъ городахъ, на деньги, собранныя въ видѣ дани съ русскаго народа, существовали бы школы подъ вѣдѣніемъ татарскихъ баскаковъ, въ этихъ школахъ читались бы лекціи о великихъ добродѣтеляхъ татарскихъ хановъ, объ ихъ блестящихъ, военныхъ подвигахъ, объ историческомъ правѣ татаръ господствовать надъ русскимъ народомъ и собирать съ него дань...

П. Этотъ примѣръ не идетъ къ дѣлу.

М. Г. первоприсутствующій! Я обладаю такимъ складомъ ума, что могу усваивать извѣстное положеніе и доказывать справедливость его преимущественно только путемъ аналогіи и сравненій. Поэтому прошу позволить мнѣ окончить начатое сравненіе, какъ вполнѣ уясняющее мою мысль. Итакъ, если бы въ предположенныхъ мною школахъ исторія излагалась такимъ образомъ, чтобы доказать неспособность русскаго народа къ самостоятельной жизни, и все обученіе было бы направлено лишь къ тому, чтобы создать изъ русскихъ юношей вѣрныхъ, покорныхъ слугъ татарскихъ хановъ, то спрашивается — была ли бы необходимость оканчивать курсъ въ подобныхъ школахъ для той части русской молодежи, которая желала бы посвятить всѣ свои силы дѣлу воодушевленія русскаго народа къ дружной, единодушной борьбѣ противъ отъявленныхъ враговъ его? — Конечно — нѣтъ. Точно также я думаю, что и въ настоящее время нѣтъ надобности для революціонера въ окончаніи курса въ существующихъ государственныхъ школахъ, потому что... — удерживаюсь отъ окончанія этой фразы изъ опасенія быть остановленнымъ г. первоприсутствующимъ. Затѣмъ въ обвинительномъ актѣ говорится, что сущность революціоннаго ученія заключается въ томъ, что «лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая сему препятствуетъ, есть формула осуществленія, если не всеобщаго, то нашего личнаго (пропагандистовъ) блага на землѣ». Я, признаюсь, не знакомъ съ такимъ революціоннымъ ученіемъ. Ученіе, котораго я придерживаюсь, гласитъ, напротивъ, что

обезпеченіе трудящемуся человѣку права полнаго пользованія продуктомъ его труда и уничтоженіе власти, которая сему препятствуетъ, безусловно необходимы для осуществленія на землѣ блага трудящихся классовъ. Можно ли серьезно называть охранительницею собственности ту самую государственную власть, которая насильственно присвоиваетъ себѣ право налагать на народъ какую угодно контрибуцію, взыскивать эту произвольно наложенную дань при помощи военныхъ командъ, отнимаетъ последній кусокъ хлѣба у крестьянина.

Первоприсутствующій прерываетъ Мышкина и между ними завязывается споръ, подобный приведенному выше: первоприсутствующій кричитъ, что не можетъ допустить порицанія правительства, а Мышкинъ доказываетъ право политическаго преступника на выраженіе такого порицанія, потому что иначе причина преступленія не можетъ быть выяснена. Только недовольство правительствомъ, говоритъ онъ, и вообще существующимъ строемъ создаетъ революціонеровъ. Кончается тѣмъ, что Мышкинъ принужденъ былъ отказаться отъ разбора наиболѣе существенныхъ общихъ прокурорскихъ выводовъ, изложенныхъ на первыхъ страницахъ обвинительнаго акта. «Значитъ», — прибавилъ Мышкинъ, — прокуроръ можетъ говорить и писать, что ему угодно, а мы все должны молчать», затѣмъ онъ продолжалъ: — «Перехожу къ другому предмету. Прошу заявить о тѣхъ незаконныхъ, насильственныхъ мѣрахъ, которыя были приняты противъ меня во время предварительнаго ареста. Послѣ перваго же допроса я, за нежеланіе отвѣчать на нѣкоторые изъ предложенныхъ мнѣ вопросовъ, былъ закованъ сначала въ ножные кандалы, а спустя нѣкоторое время еще въ наручники. Одновременно съ этимъ я былъ лишенъ права пользоваться не только чаемъ, но даже просто кипяченою водою».

П. Ваше заявленіе совершенно голословно.

М. О заковкѣ въ кандалы имѣется протоколъ въ дѣлѣ. До какой мелочности доходитъ мстительность властей по отношенію къ политическому преступнику, въ которомъ они видятъ своего личнаго врага, лучше всего доказываетъ слѣдующій, правда, мелкій, но очень характерный фактъ. Когда

я унизился до ничтожной просьбы о дозволенiи носить подъ кандалами чулки, потому что на ногахъ образовались язвы отъ кандаловъ, то даже на эту ничтожную просьбу я получилъ отказъ. Затѣмъ, во все время содержанiя меня подъ стражею, мнѣ ни разу не позволили повидаться съ матерью.

П. Судъ не можетъ провѣрить ваши показанiя, какъ совершенно голословныя.

М. Я обращался въ особое присутствiе съ просьбою объ истребованiи, откуда слѣдуетъ, справокъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ заковку меня въ кандалы, но особое присутствiе не нашло мою просьбу заслуживающей уваженiя. Что же касается до запрещенiя мнѣ видѣться съ матерью, то провѣрить эти слова очень легко, — стоитъ только спросить у Желиховскаго мое прошенiе по этому предмету и его отвѣтъ.

П. Дѣйствiя прокуратуры не подлежатъ разсмотрѣнiю суда: она имѣетъ свое начальство. Особое присутствiе не можетъ входить въ разсмотрѣнiе подобныхъ обстоятельствъ.

М. Насильственныя мѣры, подобныя указаннымъ мною, не могутъ не оказать влiянiя на характеръ объясненiй подсудимаго, а слѣдовательно, и на то представленiе, которое составляютъ о немъ предварительно судьи; поэтому...

П. Вы не можете знать, какое мнѣнiе мы имѣемъ о васъ.

М. Я думаю, что это представленiе основывается главнымъ образомъ на документахъ предварительнаго слѣдствiя, и потому для судей не лишнее знать, какiя пытки пускаются въ ходъ съ цѣлью вымучиванiя отъ подсудимыхъ желаемыхъ для властей показанiй, хотя нерѣдко безуспѣшно.

П. Эти мѣры были приняты противъ васъ на дознанiи; особому присутствiю не подлежитъ разсмотрѣнiе дѣйствiй лицъ, принимавшихъ эти мѣры.

М. Итакъ, насъ могутъ пытать, мучить, а мы не только не можемъ искать правды — конечно, я не на столько наивенъ, чтобы ожидать правды отъ суда и различныхъ властей, но насъ лишаютъ даже возможности довести до свѣдѣнiя общества, что на Руси обращаются съ политическими преступниками хуже, чѣмъ турки съ христiанами.

П. О какихъ такихъ пыткахъ говорите вы?

М. Да, я смѣло могу сказать что насъ подвергаютъ пыткамъ. Я указалъ на кандалы, но это пустяки въ сравненіи съ другими мѣрами, которыя принимались для вымучиванія отъ насъ показаній. Напримѣръ, я въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лишенъ былъ права чтенія какихъ бы то ни было книгъ, даже духовнаго содержанія, даже Евангелія, и жандармскій офицеръ откровенно говорилъ мнѣ, что, какъ только я дамъ требуемыя показанія относительно предполагавшихся моихъ соучастниковъ, то мнѣ немедленно позволятъ имѣть книги, журналы, газеты.

П. Ваше заявленіе опять-таки голословное.

М. Я подавалъ нѣсколько жалобъ на это беззаконіе, но онѣ почему-то не приложены къ дѣлу, а спрятаны подъ зеленое сукно. Сидѣть въ одиночномъ заключеніи безъ всякихъ книгъ — это очень тяжелая, очень сильная пытка. Въ виду такихъ мѣръ можно-ли удивляться, что въ нашей средѣ оказался такой громадный процентъ смертности и сумасшествія. Да, многіе, очень многіе изъ нашихъ товарищей сошли уже въ могилу, не дождавшись суда.

П. Теперь не время и незачѣмъ заявлять объ этомъ.

М. Неужели мы цѣною продолжительной каторги, которая ждетъ насъ, не купили себѣ даже права заявить на судѣ о тѣхъ насиліяхъ, — насиліяхъ физическихъ и нравственныхъ, — которымъ подвергали насъ? На каждомъ словѣ объ этомъ намъ зажимали ротъ.

П. Тѣмъ не менѣе вы высказали все, что хотѣли,

М. Нѣтъ, это еще не все, а если позволите, я кончу.

П. Нѣтъ, теперь этого не могу дозволить.

М. Въ такомъ случаѣ послѣ всѣхъ многочисленныхъ перерывовъ, которыхъ я удостоился со стороны первоприсутствующаго, мнѣ остается сдѣлать одно, вѣроятно, послѣднее заявленіе. Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моихъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ, того мнѣнія, что не смотря на отсутствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснить истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ откровенномъ словѣ зажимаютъ ротъ

подсудимому. Теперь я могу и имѣю полное право сказать, что это не судъ, а пустая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, позорное, болѣе позорное....

При словахъ „пустая комедія“ Петерсъ закричалъ: — „уведите его!“ Жандармскій офицеръ бросился на Мышкина, но подсудимый Рабиновичъ, загородивъ собою дорогу и придерживая дверцу, ведущую на „голгофу“), не пускалъ офицера; послѣдній послѣ нѣсколькихъ усилій оттолкнулъ Рабиновича и другого подсудимаго, Стопане, старавшагося также остановить его, и обхвативши одною рукою самого Мышкина, чтобы вывести его, другою сталъ зажимать ему ротъ. — Послѣднее однако не удалось: Мышкинъ продолжалъ все громче и громче начатую имъ фразу:*

....«Болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества».

Когда Мышкинъ говорилъ это, на помощь офицеру бросилось еще нѣсколько жандармовъ, и завязалась борьба. Жандармы смяли Рабиновича, преграждавшаго имъ дорогу, схватили Мышкина и вытащили его изъ залы. Подсудимый Стопане приблизился къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей его отъ судей, и громко закричалъ: «Это не судъ! Мерзавцы! Я васъ презираю, негодяи, холопы!» — Жандармъ схватилъ его за грудь, потомъ толкнулъ въ шею, другіе подхватили и потащили. Тоже послѣдовало и съ Рабиновичемъ.

Эта сцена безобразнаго насилія вызвала громкіе крики негодованія со стороны подсудимыхъ и публики. Публика инстинктивно вскочила со своихъ мѣстъ. Страшный шумъ заглушилъ конецъ фразы Мышкина. Вообще во время этой баши-бузукской расправы съ подсудимыми въ залѣ господ-

---

*) На «голгофу» отдѣлены пять подсудимыхъ: Коваликъ, Войнаральскій, Рогачевъ, Мышкинъ и Костюринъ, которыхъ вообще содержали подъ стражей на особомъ положеніи, подъ присмотромъ особо приставленныхъ къ нимъ жандармовъ.

ствовало величайшее смятеніе. Нѣсколько женщинъ изъ числа подсудимыхъ и публики упало въ обморокъ, съ одной случился истерическій припадокъ. Раздавались стоны, истерическій хохотъ, крики: «Боже мой, что это дѣлаютъ!» Варвары! бьютъ, колютъ подсудимыхъ! Палачи, живодеры проклятые!» Защитники, пристава, публика, жандармы—все это задвигалось, заволновалось. Такъ какъ публика не обнаружила особой готовности очистить залу, то явилось множество полицейскихъ и подъ ихъ напоромъ публика была выпровождена изъ залы суда. Часть защитниковъ старалась привести въ чувство женщинъ, упавшихъ въ обморокъ. Разсказываютъ, что туда же сунулся жандармскій офицеръ. — «Что вамъ нужно?» — спрашиваетъ его одинъ изъ защитниковъ. — «Можетъ быть, понадобятся мои услуги?» — «Уйдите, пожалуйста, развѣ вы не видите, что одинъ вашъ видъ приводитъ людей въ бѣшенство?» — отвѣтилъ адвокатъ; офицеръ махнулъ рукой и ушелъ, послѣдовавъ умному совѣту.

Во время расправы первоприсутствующаго съ товарищами, прокуроръ и секретарь вскочили со своихъ мѣстъ и, видимо смущенные, оставались все время на ногахъ. Первоприсутствующій ушелъ и, растерявшись, позабылъ объявить засѣданіе закрытымъ. Приставъ отъ его имени объявилъ засѣданіе закрытымъ. Говорятъ, будто защитники возразили, что имъ нужно слышать это изъ устъ самаго предсѣдателя. Поэтому они были приглашены въ особую комнату, гдѣ первоприсутствующій объявилъ имъ о закрытіи засѣданія. Защитники требовали составленія протокола о кулачной расправѣ, но первоприсутствующій не счелъ нужнымъ удовлетворить ихъ просьбу и даже упрекнулъ адвокатовъ въ подстрекательствѣ. Желиховскій воскликнулъ по этому поводу: — «Это чистая революція!»

